

СМЕНА

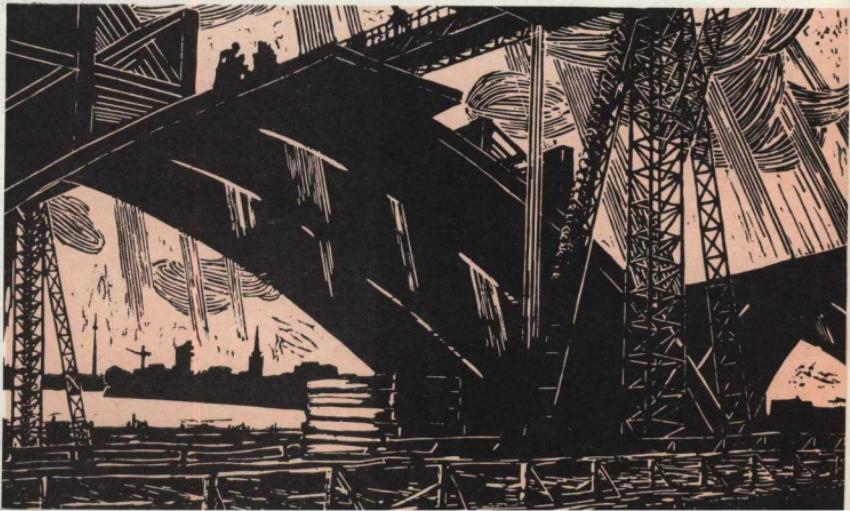
1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛАЗАРЬ
МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ

А. Зыринов. На вахте.

Б. Пронопьев. Мост строится.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.

10 МАЯ 1960

Год издания тридцать седьмой

РАЗВЕДЧИКАМ БУДУЩЕГО— ГОРЯЧИЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИВЕТ!

Участники Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и узлов передовых комсомольских коллективов промышленных предприятий: Мария Девянина, бригадир фабрики «Новая Заря»; Евгений Пронин, технолог автомодельного завода имени Калинина; Георгий Артюшник, бригадир придольной фабрики имени Калинина, и инженер ГНПК Галина Сизинцева.

Фото М. Славина.

ПО СЛЕДАМ
«ВАРИОЛА
ВЭРА»

См. стр. 14.

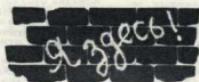
О ЛЮБВИ
БОЛЬШОЙ
И СВЕТЛОЙ,
О ЛЮБВИ,
ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕЙ
ВСЕ ПРЕГРАДЫ,
РАССКАЗЫВАЕТСЯ
В ОЧЕРКЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАНЕЕ
СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДЖЕКА ЛОНДОНА ПУБ-
ЛИКУЮТСЯ В ЭТОМ Но-
МЕРЕ на стр. 22.

СЕГОДНЯ
СЛОВО
ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ
ИЗВЕСТНОМУ
ФУТБОЛИСТУ
АЛЕКСАНДРУ
СТАРОСТИНУ

стр. 10

Читайте на стр. 17.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТАНТОВ
РАЗОБЛАЧЕНА!
ЛИЦЕМЕРНАЯ МАСКА СОРВАНА
С ИЗУВЕРОВИ

Откройте стр. 28.

Каменщик Виктор Коровин:
— Мы строим дома для счастья и радости людей. Но если американские генералы попробуют помешать нам в этом мирном деле, пусть пеняют на себя.

Техника Татьяну Пивоварову мы встретили в бассейне:
— Лишний час в день особенно ценен для нас, студентов-зачетников. Ну, и, конечно, теперь будет больше времени для занятий любым спортом.

Советские люди горячо одобряют и поддерживают решения пятой сессии Верховного Совета СССР. Отмена налогов, переход на сокращенный рабочий день, дальнейшее увеличение выпуска предметов народного потребления, расширение жилищного строительства — это и есть практическое выполнение исторических решений XXI съезда Коммунистической партии, подлинная забота о нуждах трудящихся.

— Словами трудно выразить огромную благодарность партии и правительству за отмену всех налогов с трудящимися, говорят мастер башенного крана имени Боткина Алья Масенкова. — Уже с октября этого года будем получать зарплату полностью, без всяких вычетов. Такое возможно только в нашей стране...

Секретарь комитета ВЛКСМ московского завода «Красный пролетарий» Василий Маношкин очень озабочен:

— В июне наш завод переходит на семичасовой рабочий день. Свободного времени у каждого станет больше. И нам предстоит помочь молодежи заполнить это свободное время. Еще в прошлом году мы создали университет культуры. Скоро при заводе начнет работать филиал машиностроительного института, откроется свою школа рабочей молодежи. Но это только начало. Впереди много увлекательных дел...

ПЕРЕД БОЛЬШИМ ПОХОДОМ

...стоял на посту солдат с дозримыми знаниями. И вот 22 года. Трудно, ох, как трудно с хранить эту строгость, когда кругом смех, веселье, радость, юмор, а рядом как в родной деревне, цветут молодые вишни, послевесенние цветы, а рядом забытые ми солдатские ружья...

Гляди на веселые лица товарищей, которые тут и дело проиграли, а солдаты дрогнули: есть канала новость.

Решения ехать в Кустанайскую общину, об этом тихонько сообщает ему один из солдат.
Что же, место хорошее, — словно про себя, произносит часовой, разговаривать на посту не поползено.

На груди у часовщика, рядом с воинским значком, надпись: «Место для «засовывания целинных земель». Скоро туда, на необъятные просторы Казахстана, из разных стран мира поедет вместе со своими армейскими друзьями солдат третьего года службы. Правда, солдаты — одни из членов будущей бригады молодых механизаторов, решивших после окончания службы отпрыскам земли дать целину.

Мы сидим в своеобразной «гостинице» курорта. Здесь свободно армейцы собираются, поговорить солдаты, здесь они читают и пишут письма, обсуждают свои дела, забывая о них. А среди них забытые в туманах, кто слушает третий год, — свои, особые: куда поехать,

где трудиться после окончания службы?

Много в нашей стране хороших мест, разных интересных и поистине прелестных. Поэтому большинство солдат склонялись к тому, чтобы поехать на новостройки Урала, на Кавказ, в Сибирь. Но в последние годы все чаще и чаще стало произноситься звонкое слово «целины». Быстро, как молния, солдаты со-бирались вокруг Капитана Кавказа на учебную в Красноярский край.

Вы понимаете, ребята, — с ходом рассказывал он сгрудившимися вокруг него солдатами, — там, там, где вспахано, как на хуторе, мало. Так что, я в твердую решину: отслучку — на целину.

А что, если земли, всюду нужные зоотехникам и агрономам...

— А что, если написать в Москву, товарищу Хрущеву? — предупредил Капитан Кавказ. — Попросить его помочь, наставить нас на самый трудный участок...

Появилась идея, а через два дня — и бригада. Письмо в Москву сочинили сами, писали его вчера, читали, затем шестеро писали, переписывали, наконец, все двадцать два человека. Михаил Родионов отпечатал его на штабной

пишущей машинке, заменив в сырье конверт с треугольным штепелем «солдатским», и поле оно на столе.

И в привычной обстановке: Нинин Сергеевич поддернул патронтическое желание виновин. Женщина-инженер Хрущева сказала, что на новом месте вы приведите солдатскую смекалку, пожмете руку, погладите ее. Приведете друзей из соседних подразделений, приведите жену. А наутро и Шишов, и Гарбузов, и Григорьев, и кто не был в комсомольском полонении, на стоянку конкорса заявляются, чтобы привести жен и единиц.

«Прошу принять меня в единиц».

«Гостиница» собирается на поход. До сих пор они различались друг друга по отделениям, по взводам: «наши», «соседние», «враги». Все же вновь слышится новое слово — «бригада». Говорят о земле, урожае, о будничных целях, о будничных заботах. Кто-нибудь, который не залез в учебниками по сельскому хозяйству...

Картина, которую представил бригадир, Денис, помощником в комсомольском секретариате решил не спешить. Ведь бригадой они станут не раньше, как вспахают поле, подвернут высыпанные виновин подразделения. Выстраиваются солдаты, сплющенные телами, ягодами, молодые патроты, которым предстоит большой поход в места, о которых мечтали, в просторы, на которых родины продолжат наступление на целину.

Б. ГУРНОВ

Н-ская воинская часть

ДВЕРЬ В МОЮ НОВУЮ

ЖИЗНЬ

Елена БОЛДЫРЕВА

У автора этих записок — самая обычная биография: десятилетка, потом работа приемщицей на московской фабрике «Пролетарский труд». Весной 1959 года Лена Болдырева вместе с подругами уехала на целину, в совхоз «Кушуминский Кустайской области.

Новая жизнь, новые друзья, новые впечатле-

ния... Обо всем этом я рассказываю девушка в своем очерке.

Сейчас в сюжете закончена посевная. Лена со всеми товарищами готовится к жатве и одновременно штудирует учебники — осенью ей предстоит сдавать вступительные экзамены в институт.

нело. Заработал движок, вспыхнула лампочка под потолком.

Одна! Пустыни нары, на почке в углу зеркала на полу кукла Мария и весенник. За окном стемнела синева земли до самого горизонта. В залежь задувает ветер. Пожалуй, впервые я поняла, как тяжело оставаться одной. Вспомнилась Москва, наша фабрика. Там идет сейчас вторая смена: лампы дневного света, ровный гул машин, девчата-предыдущицы — мои подружки...

Вдруг скрипнула дверь. Появился парнишка: шапка-ушанка, слишком большая для него, в руке — ведро.

— Замерзла, да? Я посыпал тебе в окно: ты сидишь, закуталась. Сейчас пекчу растворю.

И вот уже в вагончике теплая. Дверь взвеслены блинки огня, а Генка (так его зовут) рассказывает краинскую сменную историю. И ушанка сплюзывает вану из лоб.

— Кем ты здесь работала? — спросил он.

— Тракторист! Вот уж не подумала бы: он кажется совсем мальчишкой.

Дверь снова расплывается, пропускает ребят, шумную компанию. Это трактористы пришли «на огонек». Забросали меня вопросами: откуда приехала, надолго ли, где работала, какие фильмы идут в Москве...

А я узнаю, что эти молодые ребята на целине тоже совсем недавно, переехали сюда из училища механизации. Украянки, русские, литовцы, мордвы... Кто-то затягивает украинскую песню, ее подхватывают...

Ваша Анна.

— Ого, да у вас тут веселоЛ А я думала, сидишь одна, скучавши...

ЗВЕЗДЫ В СТЕПИ

Утром учитель сказал мне:

— К Кузовину пойдешь, принципицкой. Вон ей трактор.

Трактор лежал в иногородке. Когда он обернулся, я узнала Генку.

Шапка сунута на затылок, на щеке мазут. Посмотрел на меня, неповоротлив в непривычных мне ватнике и сапогах, вздохнул и сказал:

— Садись!

Трактор ползет по краю борозды. За ним стелется взрытая — плугом маслинисто-черная земля. В кибере трясет, шумно, разговаривать нельзя, кричать не ухо.

Путя частично забывает о замятии и соломой. Тогда нужно сстанавливать трактор и чистить пути. Это моя обязанность. Но Генка, посмотрев, как я беспомощно действую ломиком, отобрал его, не доверяя мне даже эту работу. А просто подыгрывал на сиденье рядом с Генкой и ничего не делал скучно. Вдруг он закричал на ухо:

— Садись на мое место!

И началось обучение. Ревел мотор, я судорожно хваталась за рычаги, трактор кинжался из стороны в сторону, позади оставалась какая-то невообразимая кривая...

— Садись на мое место!

И началось обучение. Ревел мотор, я судорожно хваталась за рычаги, трактор кинжался из стороны в сторону, позади оставалась какая-то невообразимая кривая...

— Ну, целину-то я знаю хорошо! Приехала на Алтай, подумала: Браво!

— И в Братске. Это вы только что из-под маминого крыльышка сюда прислетеши, романтика искали.

Вот, оказывается, какая она, Анна! Не понравилась мне начальная, а ведь интересный человек, много уже побывала, и наверное, многое сделала. Не то, что я.

Вскоре Анна ушла выписывать наряды. Стем-

ночью дня я все же сделала кое-какие устремления — на драгоценную парижину рямычи, а спокойно отогрела их на себя, и трактор шел по прямой. Правда, если я с гордостью оглядывалась на ровную полосу земли, трактор влезал в пахоту.

Свет фар вырывается из тьмы узкой полосы земли — борозды. А кругом — далекие огни тракторов, они двинутся, чтобы жить. Генка успел, я веду трактор самостоятельно, и мне очень нравится чувствовать себя ответственной за эту машину, ощущать дрожь плуга, отваливающего пласт за пластом.

Забийся глух, нужно остановить трактор. А как его останавливают? Быть Гену не хочется. Кажется, он зажмуря ногой вот сюда, а руки обвязали газ. Так... Мотор фыркнул и умолк. Потух свет. Трактор встал, темный и молчаливый.

Заспанный Генка побровопоротил завести двигателя, потом вытащил из-под сиденья ключи и стал копаться в моторе, бурчал что-то под нос.

— Мотор не заводится.

На соседнем поле мелькают огни. Вдруг два огнико мигнули и направились к нам. И вот уже рядом с нами светят фарами два трактора, а у мотора возится тракторист, приводящий помочь.

Мотор снова работает, заглядывает фары. Трактористы перекреются. Говорят о работе, о том, что у кого-то в тракторе бухнет мутфа, о коленвале, о пускавших, о типах двигателей — словом, о вещах, им близких, но мне непонятных.

Я молча сижу в стороне, на куче соломы. А в темной вышине влажные поблескивают звезды.

ДЯДЯ ФЕДЯ

Комбайны сгрудились на пригорке у речки. Каждое утро из них склонялись комбайнеры. Они готовили машины к уборочной: заменили износившиеся части новыми, исправляли поломки.

Ионькинским утром сюда приехали и мы. Механик подвел нас с Анной к одному из комбайнов.

— Будете работать здесь, Дядя Федя, ты где?

— Тут я, — послышался голос из-под комбайна.

— Привет девчач, помогать будут. Да выпе-зи ты, пусть посмотрят, какой ты есть.

Из-под комбайна показалась голова. Немолодой уже человек, лицо спокойное, веселые темные глаза.

— Подожди, скоро освобожусь, — сказал дядя Федя, опять скрываюсь под комбайном.

Мы с Анной уселись на траве. Девчач наше уже работают: Зина притиряет какие-то железки, Зоя с Лидой ковыряются в деталях. Прослоя мимо «балыка-малыка», тащит что-то тяжелое. Шелковая корточка, кудрявые и... ржавые железки в руках. Все заняты делом.

Наконец дядя Федя вылез из-под комбайна, улыбнулся, сказал:

— Возьмите ключ на двадцать три, открутите на крыльце мотора.

И снова начал возиться с гайками-то детальми. А что это за ключ — на двадцать три! В какую сторону крутить гайки? Да и не отвернуть их заржавели, никак крутятся. Старались с Анной, изо всех сил вдавили, наклоняли на плечи, пытаясь подогнать, и концов гаек отвернули. Потом промывали мотор, опять откручивали и закручивали гайки...

На следующее утро я снова пододала к комбайну дядя Федя. Анна не пришла: у нее заболела рука. А я опять крутка, чистила, была молотком по пальцам...

Разговаривал дядя Федя мало: бросит однодав слова, покажет, что делать, и снова замолчит. Только посвистывает. Это у него здорово получалось, прямо художественно — весь день насыщивает разные мелодии.

Скоро я стала разбираться в правое и левое руке, научилась различатьключи по одному из виду и уже не ударяла по пальцам молотком.

Дядя Федя работал быстро и красиво. Всегда с каким-нибудь приспособлением, отрысто бросает:

— Отвертку. Ключ на восемнадцать. Шуруп. Гайки.

Так кирхур на операции требует у сестры инструктум.

...И вот наша работа кончена. Дядя Федя насыщивает бодрый марш, взбирается на мостик, где я прибываю тент, рапортует:

— Комбайн к выходу! Попе готов!

В гараже все было в порядке, вообще настроение у дяди Феди сегодня приподнятое.

Понимаешь ты, что мы новую машину сделали! А это же здорово: самим создать новую машину! Понимаешь?

— Значит, теперь все, кончились наши работы?

— Свой-то комбайн мы закончили, но ведь другим еще надо помочь.

И мы помогаем. Идем на комбайн к Ивану Лыннику. Он шумный, веселый и разговорчивый. Дядя Федя работает молча, Лынники все шутят, смеются, всегда рассказывает что-нибудь забавное.

Ждем мы теперь на ферме, с полевым стаком пришлось расстаться до самой уборочной. А работа осталась — там — ремонтируют трактора.

Но мы навещали их, привезли по воскресеньям на стан. Привозили почту — газеты, письма. Садились на солому около землянки, разговаривали, пели песни. Ребята приносили гармошки.

Это было здорово: сидеть в степи под зе-

черним скрипневым небом и петь — всем вместе. А когда становилось совсем темно, мы устраивались в землянке и читали.

Ребята любили, когда мы читали вслух. Грубо-ватые, подчас резкие на языки, парни менялись, становились какими-то другими.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

На полях ночь. Заглядывает в окно чеканье месяца. Уставшая за день, мы лежим на нарах, но сон почему-то не приходит. На нижней полке ворочается Валя:

— Ох, и устала я, девчонки!

— Устала, так спи, а другим не мешай! — обрывается ее Анна.

Становится тихо. Да, устаем мы здорово: убогончай! С заря до зари на поле...

Все сидим, забывши нас, приходится трудиться. Сначала ребята разговаривают —

— Ну какой из нее шутливый! Ех к штурвалу привязывать надо, чтобы ветер не слушал. Тогда не смеются. Валя весь день стоит у штурвала, лизит под машину вместе с комбайнером, когда что-нибудь ломается, а вернувшись на стан, несмотря на усталость, лихо отплясывает на мостике комбайна.

— А знаете, девчата, — опять говорит Валя, — сижу я сегодня в столовой...

— И что ты не утомишься никак! — сердится Анна.

— Да ладно, слушай. Сижу я в столовой, а ребята сидят с ящиками, разговаривают — у кого какой комбайн, кто сколько. Ну, про свой комбайн начала говорить, про ящик, который у нас уже два раза ломается. Думаю, смеяться начнут, скажут: «Девчонка, и туда же!» Но они все сидят и слушают, соглашаются... Помните первое время: начнут они про работу говорить, а мы и не понимаем ничего, нам скучно. А теперь и нас слушают. Здорово ведь, правда?

— Чудная ты, Валынька. — Анна зевнула. — То сама говорила, что надоели тебе эта пыль и комбайн надоели, а теперь вот радуешься неизвестно чему.

— Ты не понимаешь. Я тому радуюсь, что мы здесь теперь живем в нечестии, как раньше. А пыль и грязь мне действительно не нравятся. Но ведь немногоного осталось, скоро кончится уборочная, и домой.

Сперва тихий Зинин голос:

— Ты что же, уезжать думаешь?

Валя молчала. Я знаю, что сама Зина приехала сюда недолго. Она работала в Москве секретарем в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. Всю жизнь училась. И когда уезжала

сюда, тоже стала учиться в земочном сельскохозяйственном институте. В одном из загородных подмосковных поселков осталась у нее мама. В Москве Зина дружила с пожилой женской, старым членом партии, участницей гражданской войны. Тетеря старая коммунистка пишет девушки хорошие, теплые письма...

Валя вдруг опять заговорила:

— Но ведь же мне здесь оставаться! Конечно, уеду. Поработала — и хватит.

— Значит, только на экскурсию поехала, посмотреть и обратно, так, что ли?

Почему на экскурсию? Я ж работала! И совсем не обязательно осесть на одном месте и больше не двигаться. Вот Анна. Она много поездила. И в каких местах: была в Братске, на Алтае!

УЖ МЕНЯ ТЫ ОСТАВЬ В ПОКОЕ: для пологательных примеров не годится.

— А ты и в самом деле не тауком пологательный пример.— Зина старается говорить не очень резко.— Вот была ты в Братске. А ведь Братск не построен еще, работы там много, почему же уехала оттуда? И с Алтая тоже уехала. Почемум? Ищешь, где полечев?

— Что ты ко мне привозишься? Тоже мне, идиома!

А разве плохо иметь свои идеи?

— Да не твои они, идеи эти! Выучила по книжкам, что такое хорошо и что такое плохо, вот и думашь, что я жизни все по половинкам можно разложить: это на черную, это на белую. Сухарь ты, Зинка, настоящий идеиный сухарь!

— Хватит вам, девчата, перестаньте! А ты, Зина, на нее не обижайся: не в духе она сегодня, устала, наверное. Давайте лучше спать.

Но долго же спят, ворочаясь на нарах, девчата. А на полях ночь. И месяц заглядывает в окно вагончика.

«САМА РАЗБЕРУСЬ»

Когда мы приехали в сховок, степь — черная, распластанная — показалась нам голой и скучной. Потом зазеванные всходами — взошла посевная национальница. Из зелени стела стала желто-зеленой.

А теперь стель вся в снегу. Белое поле сливается у горизонта со светлым зимним небом, и не различишь, где кончается степь и начинается небо. Иногда поднимается ветер, гонит снег; но настоящих буранов еще не было. Мы живем теперь в поселке, в трех километрах от центральной усадьбы села.

Я и Зина поместились в общежитии — белом домике на краю села. Анна устроилась на квар-

ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Л. Ройтер. Ученица.

тиру к знакомой двери. «Хватит с меня этой романтики», — сказала она. А Валя, наша «Валька-маячка», уехала в Москву.

Анну мы видим редко, целями днями она сидит дома, даже в клуб не выходит.

Мы с Энной работаем на зерноскладе, сортируем зерно для весенне-сева. Там пыльно, шумно, работа однообразна и утомительна. Но то все-таки работа: сидеть, ничего не делать, гораздо хуже.

Сегодня — час выходной. Энна осталась дома, а в деревне пойти на центральную, отнести в библиотеку книгу. Вытаскала с собой Анну.

Шагаем с ней по дороге. Снег, плотный, пребитый сильными ветрами, покрывает под ногами. Анна говорит, ни переставая, как человек, которому после долгого молчания нужно выговориться. Говорит о самых разных вещах: о том, что получила письмо от Вали, о старых кинокартинах, которые привозят в клуб, о буранах, которым нас пугали и которых еще нет, об интересной книжке, которую она сейчас читает, и о том, что ей приходится каждый день просыпаться чуть свет, чтобы идти на работу.

— А я сама дела, Анна, почему ты не работаешь?

— Зачем энней денег летом заработка, на землю хватит, можно и отдохнуть.

— Но это же тоска — сидеть дома одной!

— А мне и одной не скучно. Читаю, занимаюсь хозяйством. Это ведь тоже интересно — деревенское хозяйство — свиньи, коровы, куры...

Некоторое время идем молча. Покрывает снег. У меня вдруг возникает острово чувство неприязни к ней, хочется сказать что-нибудь злое.

— И чего ты не уехала с Валей?

— Потому что — пересказывала она тихо и как бы отрываясь. — Понимаешь, я и сама не знаю. Мне кажется, ты только не скажешь, мне кажется, я буду скучать по сюзюку, если уеду. Удивляешься, что так говорю? Конечно, вы ведь привыкли, что я всегда веселая, что мне все нипочем, а что у меня внутри делается, вы знаете?

— Но ты же сама...

— Погоди, не перебивай пока. Ты думашь мне это так просто: захотела — приехала, захотела — уехала? Ну, а я, может, тоже привыкла жить в багажнике, и чтоб утром будили трактора, а днем обмывать эти поля. И к ветру это было бы нормально. И я привыкла к солнищу. Но только не сюзюку, наверное. Чужая я какая-то здесь среди вас. Не знаю, как же я могу сюзюку.

Погоди, не перебивай пока. Погоди, не перебивай ничего. Догадываешься, что ты скажешь. Чтобы я переходила к вам в общежитие, чтобы мы жили вместе и ходили по утрам на работу. А вечером в клуб — смотреть, как труются Иван Бровкин на благоустроенной целине. Но ты не говоришь сейчас ничего. Сама я разберусь, что мне делать...

ХОРОШО, КОГДА ВМЕСТЕ!

Вечером в воскресенье Москва вызвала меня на телефонную станцию в район для первоговоров.

Странно слышать мамин голос, приглушенный расстоянием, такой далекий, здесь, в маленьком центральном домике с белыми фасадами, «Почтой». Всю дорогу до почтальона тяжелые теплые носки и лотки, чтобы я не простудилась, и еще о чем-то, не вспомню, не главном. И когда беспрестанный голос произнес: «Ваша время истекает», — мы сразу затормозились, начали говорить, перебивая друг друга, и всинились, что наше многое надо сказать...

А потом я стояла на щоссе и ждала попутную машину, чтобы добраться до сюзюка. Мама, наверное, уже дома — это ведь совсем рядом с почтой. А я стояла на щоссе... От раж-центра до нашего «Кушумуринского» километров сорок. Машин нет.

Уже совсем стемнело. Ветер и снег. Снег густой. Ветер гонит снег по щоссе, наметает сугробы у обочин. За бордюром пепельного ничего не видно. Вот это, наверное, и есть буран. Я никогда не видела буранов, но это, наверное, буран! Еще весной нас пугали казахстанскими зимами...

— Вот подождите, наступит зима, задуют бураны...

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Вл. ЦЫБИН

Новоселы

Нас в бокастых теплушках сюда привезли,
трое суток в сутулых барханах трясли.
...Пыль, песок саранчой по стени без конца.
И тогда на мгновение скажется сердца.
— Как здесь будем мы, черт возьми!
Но уже заскучают кругом топоры,
и вонючие грудинки плечи, остыры.
Потянуло таинной лесны.
Мы кайтайли гранит,
мы бурины песок
так, что мокрая пядь текла на висок.
Нас колола иглами мошкова...
Только кто-то сказал:

— Вот это дара!
Но в ответ гроховое молчание ребят.
Восемь тесных палаток посыпаны в ряд,
все семья новоселов прибогенит! —
всестыль месецев здесь ни дожди, ни ручьи,
все же выпадали подниматься ввысь острый,
Восемь месецев, будто бы восемь веков,
но зато из-за сна, без жилья и без жен,
корпуса взлетели в косой небосклон
еместо кобчиков и голубей.

Встреча

Увидишь еще издали:
дымы лежат над избами, —
ни звездочки, ни линии.
Линь стежками забавными
обнажены, неисторы
яблони за баними.
И деревни опустятся
трава, что трется с землей,
вот-вот пахнет распустящей
и посыпающей сизым.
И смычу я: утроменно
поет в Опочках радио,
Меня встречают Родина
бланиами, одызями.
И матя рукой незрячею
всего мене опнула.
В глазах у мамы заняки.
— А я хрювать надумала!
Обдутьте метелами,
котики крыши конямы.
А я стою, растерянный,

стою, молчу, как вкопанный,
Застыршианные блузками
матя хвальята, как новыми.
У мамы руки трясущие,
и вонючие грудинки.
Вздыхаю: — Все не можется,
а я вот тружусь — уборщица!,
Я, рано стать заставленный,
гложу все, как за ставинами
снега металлическим волоком
протягиваю под лапами.
Не сплю.
И память ворохом
в глаза мои насыщана.
Бывала, спиши без досыпа,
бывало, еще не досыпа,
но все твердьми заплакана:
— Учишь, а я уж как-нибудь!
У глаз крупи поставлены,
в кошмы скатаны волосы.
Сбираются за ставинами

захудые бабы новости...
...На улице виноградной
кустарник сполнали.
на улице, на Оводной,
мои сегодня проводы
по холмам, по склонам.
Сторожа матя, не плакала.
Как возле яри ниника,
чуть-чуть сутулоятая,
И динь в губах дрожжаника
теплела виноватая.
И вновь
дорога в индевень
колесами включена.
Я уезжал за тридевять
земель
травой и кочками,
отавами прытными...
Расстроенный, расгребанный...
Благословленный матери
меня простила Родина.

Вот и задул. А я одна в темной степи. Ноничо особенного, просто снег и ветер. Плохо только, что не видно машин.

Шум мотора не слышно, из-за снега не видно и фар — машину я заметила только тогда, когда она почти поравнялась со мной.

Поднимаем руку. Здесь, на стальных трассах, машины всегда останавливаются, если поднимешь руку.

— Тебе куда?

Из кабину высывается дядька с темными усами.

— В «Кушумуринский»! А я только до «Ленинского». Да ты садись, до «Ленинского» до вашей центральной близко, километров шесть. Доидешь до побережья.

В кабине тепло. Усталый шофер, сначала молчал, скоро разговаривался.

Что ж ты в такой бурьин отправляешься? Не здешняя, наверное? Приехала-то откуда?

Я отвечала, что теперь здешники, переехали еще весной, работала в поле, а теперь сортирую зерно.

— Из Москвы, значит? А чего ж ты здесь хорошего нашла? Какой интерес в грязь да в пыли работать? Дурные вы, девчата. Вот и нам в сюзюк привезли. Тоже москвички. А что они здесь видят? Ни тебе концертов, ни театров, в кино тоже не очень-то погондши или на танцы. Скучно...

Мне ужик приходилось выслушивать такие со-стечения:

— А здешники вчера письмо от нашей Вали, «Живу в городе», — пишет она. — Здесь кино, театры, концерты. Разве сравнишь с сюзюком? А меня опять тянет в сюзюк, туда, где нет ничего этого, где грязно и пыль много.

И не знаю, почему это так. Может, потому, что там мы здешние все вместе,brigada в усадьбе нас была такая дружная...»

«Все вместе» — вот, наверное, в чем дело. Это очень важно, когда все вместе. А танцы и кино — это, конечно, не главное. Почему же

говорят, что загубим мы здесь жизнь свою молодую без развлечений? Вот и этот шофер...

И другуд уставид дядька начинает говорить о том, что нужны, очень нужны люди чепице, что приезжают сюда, обживались, оставались бы здесь, насосывали.

— Глупыш... А ведь от кого зависит, чтобы стень наша не была глупыш? Люди здесь нужны. На тракторе, на комбайне работать — тут нам и своего народу хватит. А вот, например, в вашем сюзюке болничузы. А болничузы Небылодного, — это ядерная фабришка. Тех-такий! Так ведь — это и для линии эвакинт. Была я в вашем «Кушумуринском», смотрела, какой Дом культуры на центральной усадьбе построили. Туда бы человека знающего — был бы и нас театр. Да что говорить! Презрывают такие вот, городские. Покрутилась, повесилась, фыркнула «скушно» и назад — в город, в театры да на танцы...

У щоссе — столбик с табличкой. Это уже «Ленинкий». Значит, шофер сюда.

— Мне выпадает.

— Сиди. Куда в такой бурьин пойдешь? Подкину тебе до вашего «Кушумуринского».

Вот и опять я не одна в степи. Наша центральная. Истуканула, в три километров отсюда.

Дорогу замело, а огоньки нашей фермы, обычно так хорошо видных, не различишь за пеленой снега. И ветер сбивает с ног.

Дороги совсем не видно, приходится идти наугад. Наконец я вышла к поселку.

Вот и общежитие. Свет в нашей комнате потух. Зина уж спит. На столе забытое оставленная еда. Кружка с молоком прикрыта запиской:

«Ужинай! Мы с Анной были сегодня в клубе на репетиции — подготовка к концерту».

В комнате тепло, тихо. И пусть за окном снег, ветер, буран...

Kогда цветут Кашу

тес пор минуло немало времени, а я все не могу забыть эту деревушку...

Был конец сентября. По заданию редакции я прибрался от верховьев Мархи в Вилью, туда, где в глубокой пресной котловине несколько лет шло строительство первого послевоенного гидроузла из семи якорных алмазов. Плыть пришлось на случайно идущей по моему маршруту плинике. Ее холостяками были три молодых парня и здоровенный, чем-то напоминающий коршуна бородач Федор Кузьмич Зозуля. Из их немногословных разговоров я понял, что Зозуля — снабженец геологической партии, а холопы при нем зомбоминики. Они вели мешки с консервированными «северными» продуктами, ящики папирос и груду валенок. Парни уговорили Зозулю захватить по пути еще и несколько плотов леса, заготовленного геологами для строительства поселковой школы. Бородач не соглашался. В деревушке Мархе громоздились плоты каждую минуту монгольской на мель и пролежать на ней до весеннего паводка. Чтобы не рисковать, Зозуля намеревался сплавлять лес будущим летом.

Мы слоупали на собрания, — хмурились, убеждали бородача длинный, багровый-рыжий Дмитрий Зыбин, видимо, старший среди парней.

Важно поседевший у руля Зозуля не отвечал. Судя по тому, как он равнодушно раскуривал широкую, сплюснутую самокрутку, и сам парни и их уговоры ему давно осточертили.

— Эй, товариши! — неожиданно услышали мы голос с берега, и все, как по команде, обернулись.

Подступив к самой воде, с правого берега нам махала «красная варежка» девушка с чепчиком.

— Вольныте меня, товариши!

Холопы оживились, вопросительно глянули на Зозулю. Бородач мрачно наступил на него.

— Чего глаза таращите?

— Может, возьмем? — Человек все-таки, — сдержанно предложил Дмитрий.

— Мало их шляпется тут!

Холопы разочарованно вздохнули и с сожалением посмотрели на девушку, не смея перебить взластному старичку.

Девушка, конечно, подумала, что ее не расслышали. Стремясь над чепчиком, она бежала взад берега за пламянкой и размыкала варежки.

— Вольныте, товариши! Вольныте...

— Ну, что тебе? — раздраженно прохрипел Ни Зозуля. — Рекой опасно!

— Ничего, мне не страшно, вольныте! — обрадовано крикнула девушка.

Бородач смерил уничтожающим взглядом парней, сплюнул, и илимка круто повернула к берегу.

Случается, в осенние непогоды из-за темных туч идут выплывшие солнце, и томительное унылый день тотчас стражает с собой всю землю. Нето подобное произошло на нашем супружестве. Среди наядовенных друг другу мужчин плавало лицо Севера. Потенциальная быстрая, с тугоими, выпущенными щеками, она прыгнула в плинику, как озорной мальчишка, дико и уверено. Путино уселись на корме, перевезла дыхание и, хлопотливо поправляя маленьную, сбившуюся на затылок шляпку, доверительно сообщила:

— Я из Киева, врачом еду в Мархинский. Парни жадно впились в нее заблестевшими глазами.

— Не врешь?

— Не-е, — закусы вынутые из кос две присяжные и продолжая воиниться со шляпкой, крутила головой она... — Мне в Нирбе скажут, что ты будешь плыть.

Водворю на место присяжные, она внимательно посмотрела на свое отражение в во-

Александр ИВАНЧЕНКО

Быль

де и, не обращая на нас никакого внимания, с восторгом отглянулась по сторонам.

— И дико же здесь! Я никогда раньше не видела тайги. Пугали все. С ума, говорят, Ленка сошла, в Якутию направление просят...

Она говорила это, и кому не обращаясь сама себе. Но Зозулю ее слова задели за живое.

— По здешним местам тайга на Мархе крупная, — гордо запрокинув голову, самодовольно изрек он.

— Да? — изумленно восхлинула Лена. — Скажите...

— Еще раз мельком гляну на заросшую чахлым кустарником берега, она присвистала, беспечеряясь, рассматривать Дмитрия.

— Как для кого, — смущаясь, покожа плечами Дмитрий и ткнул пальцем в своих товарищей. — Мы втроем четвертый год здесь.

Ее восторженные глаза на секунду потускнели.

— Четвертый год, — вдохнула она, как бы припоминая, что же было с ней четырьмя годами назад, но, видимо, не припомнись, улыбнулась и бойко обратилась ко мне: — А вы, конечно, корреспондент?

— Откуда вы знаете? — удивился я.

Лена рассмеялась.

— Фотопортрет вам рассказал. Вот он, под наряд.

— Вы, оказывается, наблюдательны, — сказал я, берясь за аппарат. — Принесите вас сфотографировать.

— Ну, нет, — решительно запротестовала Лена. — Размалохте, а потом и читать стыдно: в Сибирь едет — герой! А может, это его личное дело, ему самому нужно ехать?

— Вам самой нужно?

— Самой!

Словно спохватившись, что чуть не сказала лишнего, она вдруг вскочила и, балансируя руками, с хохотом перебежала на другой конец узкой илимки, вскарабкалась на груду валенок. Затем, став в повелительную позу, виновато приказала:

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

★ ★ ★

Мне снились голубые корабли,
большие расстояния земли...
Пусть я не стану ни юнгой, ни матросом,
и боцман бы не вышел из меня,—
я пугровал

в арктических торосах,
сна на снегу и грелся у огня.

Я жил в мужском, простом и щедром,
братьстве:

консервы,

спирт

да злой, как черт, табак...

Жизнь невозможна без трудов и странствий,
как невозможен Север без собак.

Пусть я умру романтиком;
душою

пускай стори, как факел на ветру.

Я щедро жил

— Пора обедать, живо мойте руки!

— Тю! — прыснул в кулак кто-то из парней.

Никто обедать, а тем более мыть руки вовсе не собирался, ибо Лена, будто не заметив нашего всеобщего недумения, снова перебежала на корму, вытащила из своего чемодана беспрежную простыню и не терпимо ворвалась в конец приказала:

Переверните лицо!

Волей-неволей всем пришлось подчиниться. Один из ящиков с папиросами перевернули, Лена застелила его простыней. Даже командовавший нами Зозуля, застопорив мотор, покорно полез в сумку за куском черного, замусоленного мазутом мыла.

Откровенно довольная своей властью, Лена с минуты на минуту не давала нам покоя. Назначала час обеда и сна, читала длинные православные проповеди, заставляла всех, за исключением, конечно, бородача, каждое утро бриться и бел коньки расправить на Мархинском. Какой он, да что построил на Мархинском? А если я, да что добывать алмазы? Но о сне переболевала мало. Я пыталась завязать разговор о Киеве, откуда она ехала, о ее родителях, институте. Отвечала она нехотя, то и дело разрезала.

— Терпеть не могу корреспондентов, вечно все выыкзывают!

Можно было подумать, что вся жизнь она только тем и занималась, что отбивала атаки настычных репортеров.

А в общем-то мы подружились и, честно говоря, все были рады, что у нас вот такая спутница...

До лесоготовок добрались на третий день. Договор с мозгливой согласия бородача всплыл из-под соломенной соглажи сразу стали вязать плоты. Еще днем съезжали, по стоке в каждую. Зозуля сначала повесил их баграми, но течение было таким стремительным, что неопытные в плотогоне парни не успевали следить за рееками и неожиданными поворотами сплава и непривычно виляющей Мархе.

— Словно дали, чертова семя! — свирепо рявкнули бородач.

Парни виновато потупились.

— Хвости, говорю, травите!

Все бросились останавливать плоты.

— Куда прешь? — Зозуля ухватил за ворот засуетившегося Степана Рытова, низкого, непроторвого увальня. — Сыам

ИЗ КНИГИ

и не умру ханжою,
и трусы уж, конечно, не умру.

Пускай мечты о синем Синапуре
меня в края другие уведут,
но сердце навсегда открыто бурям
и смутным дарам

весь большой Земли.

Когда я вернулся

Я был скуч, повествуя друзьям о зимовке.
Хыкать стыдно.

а хвастать мне было неловко.
Получается так, что мы здорово жили, что напрасно грустили, напрасно тужили.

Получается так, что мы жили как надо:
наша трудная доля

это наша награда.

Рисунки Е. Бачурина.

с плота налимуку, гони с этими «залетными» побережья сплава. Да не уходи далеко, пойдешься гляди!

«Залетных» было двое: я и Лена. Но на лилике Степан повез ее одну. Я остался с плотогонами. Мы разбились на две группы, привязали к бортовым лесинам веревки и начали управлять всем сплавом с берегов.

Первые километры прошли спокойно. Потом течение словно подстегнуло. Сдергивать плоты стало очень трудно. Перебросив через плечи веревки, мы бежали за сплавом изо

всех сил. Спотыкались о прибрежные камни, падали, вскакивали и опять бежали. Врезавшися в плечо веревка, казалось, приросла к телу. Тяжким было только расстояние, будто ты не бежишь, а тащишь на себе бесконечную, холодную и извивающуюся, как змея, Марху.

К вечеру все винеек измотались. Подошли сплоты прилипали к сухой гальке, как к смоле, и не было сил оттирать их. Все вокруг вставолово черной пелены, плоты едва виделись с берега.

— Прико-ол! — скомандовал на конец Зо-зуля.

Он сорвал с плеча веревку, на ходу перескочил с берега на последний плот и, чтобы остановить сплав, стал бросать в реку привязанные к хвостовым лесинам каменные глыбы. Вдруг берега раздо посыпались вверх. Зозуля сунул в машину руками и с размаху уронил в воду.

А-а-а! — всхрапнул душераздирающий вопль на другом конце сплава. Плоты заскрижетали, вздыбились, полезли друг на друга.

— Руби канаты! — закричал бородач, карабкался на берег.

Слав налетел на подводные камни.

Дмитрий одним прыжком перемахнул на середину вздыхленных плотов и тут же растворился в темноте. Я с ужасом подумал об илимке. Она шла в двух шагах от переднего плота.

Что с Леной?

На меня градом сыпались ледышки брызги, были плавающие летевые изны измыши.

Где?

— Тетрадка осталась... Тетрадка...

Я рванулся навстречу простуженному, покожему на шепоту голосу.

Из темноты выплыла длинная, пlesчастая фигура. Это был Дмитрий. Размеренно шелестя сапожниками, он шел кромкой берега и бежало нес Лену; она была без пальто, в одном ботнике, с мокрыми, свисающими вниз косами.

— Тетрадка там осталась... — повторяла она, точно в бреду.

...Я не заметил, как наступило утро. Продропши, отучившись башмачину и утюльки, мы скатались у дна загущенного костра и моя сестрица на Лену. Укупиться в наши вязлые ветви, она лежала на разостланых около костра лиственических ветвях. Ее ветки были сомкнуты.

— Намаялась, — вздохнул втнущий в воротник голову Степан.

Одникою слово растягло, будто случайно упавшая на руку снежинка.

— Фу! Утопила, чертова Марха, на самой середине... — инеездно раздался над головой глухой бас Дмитрия, и к нашим ногам осторожно опустился промокший помятый чешодан.

Я только сейчас заметил, что среди нас Дмитрия раньше не было. От костра он удалился, не рассовав: искал утонувшее вместе со всем, что было на лилике, чесодан Лени и пальто. Лицо его сильно осунулось, одежда изорвалась и промокла насквозь.

— Тетрадку какуюто спршивала, не тут? — шепотом, чтобы не разбудить девушку, сказал он и подвинул ко мне чешодан.

.. МОЛОДОСТЬ У КОСТРА ..

Моряк не доехал до цели.

Моряк не доехал до цели,
в пути повстречав беду.
Он умер не в мягкой постели,
а на картре, на каменном ладу.

Кляня цингу и торосы,
в пургу, как медведи, белы,
его на руках
матросы,

стальным овчинником тросом,
внесли на гребень скамы.

Моряк не доехал до цели,
оставив все тайны ладам...
Зато другие сумели
пройти по его следам.
Они донесли, Россия,

твой стиг до его мечты.
Он был твоим первым сыном,
он стал твоей славой, Россия,
о чем не забудешь ты.
...Я был не склон той хмурой,
где спит седой капитан.
Лынин косматый шкурой
в ногах у него — океан.

Курит чрловек

Гладят над морем чаин в страхе,
ветрами сбитые с крутов.
И лады ползут, как черепахи,
на серый камень берегов.

Кинят моторы вешиным громом,
мелают устья снежных рек...
А писем нет и нет из дома...
И курит, курит человек.

Протрублла мечта

Мы, пожалуй, живем небогато:
радиола,
книги,
кино...
Мы забыли ваши смех, девчата,
и театр позабыт давно.

Мы отыскали от шума столицы,
ноизлаобили нас тихий уют,
только мыльные далекие лица
в наших солнечных слах живут...

Нам мечта протрублла властю,
простучало сердце приказ...
Но пускай мы не так прекрасны,
как порою пишут о нас.
Огрубели и лица и руки,

к заполярным прывыкнув ветрам...
Только будет:

и дети и внуки
хорошо позаиндуют нам.

Северные олени

Я видел олени стадо,
студеный серебряный дым
и древнего неица
со взглядом задумчивым и молодым.

Прощаю...

Но от кошки до кочки,
средь пятен вскоченных мхов
следы на снегу,
как строчки
невыдуманных стихов.

Поколебавшись, я открыл его. Синяя, крест-накрест перетянутая голубой лентой тетрадка лежала сверху на мокром белье. Дмитрий поднял ее, повертел в руках и сунул мне.

— Сушить надо.

На обратной стороне плотной коленкоровой обложки был приклеен пожелтевший любительский снимок. На нем рядом с грудой чешуек был сфотографирован во весь рост невысокий, краjkий паренек в телогрейке. На втором плане стояли две палатки. За палатками начинчалась заснеженная, чахлая тайга. Ниже, под фотографией, — четкая подпись: «А. Корниченко». Дальше нарисованные чернильным карандашом буквы расплывались. Я оторвал первую страницу и с трудом прочитал:

«Мамочка, куда я попал! Вышли из самолета и чуть не задохнулись. Стою и чув-

ствую, как на глазах слезы застаивают. Ноги моментально обмерзли, а руки стали как жеденные: ни застегнуть, ни шапку натянуть. Как же люди переносят такой ледяной ад! Пропах Александрович».

— Дневник это, — притворясь чужую тайну, виновато сказал я.

Людогоны то ли не поняли, то ли не нашли в этом ничего особенного. Лица их были деволовыми-сторгами.

Мне стало неволно. Словно желая получить прощение, я несмело взглянул на Лену. Ее розовые, немного обветренные губы чуть изогнулись в улыбке. Должно быть, в своем сне она не видела ни бурной Мархи, ни разбитых плавей ни опрокинутой, изрядно покоробленной брошенкой.

Журналистское любопытство побудило читать неловкости. Глаза снова бежали по строкам (некоторые из них были размыты):

«В Киеве мне говорили, что Нюрба — город, столица якутских алмазников. Тоже мое столица: дома все по пальцы можно пересчитать, старые, скосбоченные. Тут будет большое строительство, но мне работать в Нюрбе не придется. Засыпаю в самую отдаленную партию, к устью Мархи... Эх, Ленка, выскочила ты за какого-нибудь «киевлянина-домоседа», и поминай как звали».

Так, страницу за страницей, я прочел ее спущенный на тайгу дневник. Это был не длинный, а острывчатый запись, чередовавшиеся с рисунками, чертежами, какими-то расчетами. Некоторые из этих записей я предлагаю внимание читателей.

* * *

«Степно готовимся к высадке. По распоряжению надо успеть на место и подготовить хотя бы два-три дома. Весной и в начале лета тайга, оказывается, страшнее, чем в лютью морозы. Рассказывают, что после паводка она превращается в сплошное болото. В прошлом году на берегу Мархи утонуло два трактора. Всели в партию горючее, наскочили на марты и провалились».

* * *

Вторую неделю тащимся волоком за трактором. Поглота метра снегу, сани плывут, как по волнам. Трактор бокусит. Приходится рубить впереди него листеницы и на ходу делать лежневки. И уже умудрился отморозить щеку. Начальник партии смеется: «Что, Алекса, не уберегла тебе морозостойкую шаль?» Да, не уберег Леночкин подарок...

* * *

Если Нюрба — глупыш, то как же назвать это? Снег, наши палатки да листениницы — там одна, тут одна. Я думал, у нас не осталось необитаемых мест. Тайга, вокруг мелкая. Строительный лес и тот надо заготовлять почти из верховых Мархи, километров за пять отсюда. Но меня взвалили все и снабдили всем необходимым. А если не застопорят, и еще чорт знает что. Вот бы Ленка вспыхнула! Нет, пусть сидит в Киеве. Куда ж! Если не разлюбят, буду счастлив. Вспомню ее — теплее становятся. Хорошо, когда есть кого вспоминать.

* * *

Приволокли первую партию леса. Я так разబил ладони, будто их собака погрызла. Страшно печет, единственное спасение — снять рукавицы и руками махать, но мороз сильный, замерзают. Не знаю, как терпят мон зеленые искатели ромашки. Коля Грецаник и Саша Данилов. Они разшибли руки белыми, морозные, вонючие. Вообще, какая чушь, попы выдумывают коротко-сильно, великомученики не испытывали того, что выпало этим ребятам. А им-то всего по восемнадцати. Когда вернусь в Киев, Ленка меня тоже не узнает. А может, не вернусь, заберусь вновь глупыш...

Черт знает, почему нас учили! Без конца твердили о железобетоне и ни одним словом не обмолвились про обыкновенную тунецкую избу. Тесалась брезина, шесть суток глаз не смыкали, а потом все не подопоши. Я, инженер с высшим образованием, неправильно разместили лесины. Семинадцатилетний Саша смыслит в деревенском строительстве больше меня. Если бы не он, загубили бы весь сруб. Стыдно!

* * *

Жуткий холод. Учусь раз, что с нами несет Ленка. От нее было синяя из одного письма. Наверное, вдохнулась в него. Но хотелось бы. А впрочем, может, так лучше. Я сумасшедший романтик, вечно куда-то рузы. Трудно ей было бы. Пожалуй, я даже не имею права женихаться. Ведь на нашей земле еще есть белые пятна. Разве и усику на месте, зная, что где-то что-то меня ждет?

* * *

Не подозревая, что у меня столько друзей. Немного приболел, и вся партия присоединилась. Столпились палатки, смотрели сундуки, пакеты, ящики, баулы, сумки, свежую луковицу. Начальник партии буркнул: «Поправляйся!» И ушли. Работали на часы больше, мою долю подгоняли...

* * *

Не хочу думать о Ленке, а думаю. Она мечтала о счастье. Вчера один геолог сказал мне по поводу высохшего парка фразу: «Счастье — это путь, вечное, не знающее границ движения». Для него — да. Он к чему-то применил старую бобульку. Пренебрежительно, с презрением. Честно говоря, сделали бы ее за свою жизнь в сто, в тысячу раз больше. Не верю. Другое дело, когда нет взаимности. Иногда очень хочется ласки... Самое дорогое — время. Из него состоят все.

* * *

...Построили еще один дом. Был сильный буран. Пропал Саша. Никак не найдем. Утром пойдешь в тайгу, может, он заблудился возле лесозаготовки. Утихнил бы пурга. В Киеве сейчас каштаны цветут... Сапоги надо не забыть починить...

На этом записки обрывались. Последние их строчки я читал пытливым взглядом. Наступила сырьба тишины.

Инженером был написан Алексей Борисыч, школу пионерского зета-зева, — козырь пальцев земли, приглушился сказал Дмитрий.

То ли от этого шепота, то ли от устремленных на нее взглядов Лена проснулась. Увидев в моих руках тетрадку, она испуганно вскочила, схватила ее, прижалась к груди и растерянно, жалостливо глянула на меня.

— Всё... мы прочитали... И снова устало опустилась на свою постель, уткнувшись лицом в ватники. Она не хотела, чтобы я видел, как она плачет. Потом плакала.

Он мог один, без меня, поехать на край света, мучиться, но быть там, а не со мной,— исключивая, сказала она.— Я не умела жить, как он, старалась забыть его... Он любил тайгу... Потом прислали дневник... Алексей геройски погиб, товарища искал... — и нерешительно тронул ее плечо Дмитрий.— Ты не того, не...

— Важките плоты... — вдруг сурвон проговорила Зоузя.

Девятнадцати полусовсем замолчала. Мы спешно встали и, не глядя друг на друга, торопливо пошли к берегу Мархи. Я обернулся.

Оставшаяся у затухшего костра Лена, не найдя потерянного ночью ботника, надевала тяжелые, мокрые валенки.

ПОЧЕМУ 14-Я СОНАТА БЕХОВЕНА НАЗВАНА «ЛУННОЙ»?

Этот вопрос заинтересовал птичницу колхоза «Путь к коммунизму», Рязанской области, Штуру БОКАРЕВУ.

Так назвал сонету не сам композитор, а немецкий поэт Людвиг Рельштаб, который сравнивал музыку второй части этого произведения с пейзажем Фирзальдштетского озера в лунную ночь.

Впрочем, многие музыканты делятся возражениями против такого названия. Члены Академии наук считают, что соната, изображающая лунный свет, должна быть задумчивой, меланхолической. По их мнению, трагическая первая часть сонаты, ни бурная, страстная третья часть не отображают мечтательного пейзажа озера. Лишь маэстрическая вторая часть на некоторой степени соответствует пейзажу.

Тем не менее название «Лунная» сохранилось за четырнадцатой сонатой и до наших дней.

Это произведение, написанное Бетховеном в 1801 году, было посвящено его возлюбленной, юной гиблине Генчарди. Первое сильное, страстное чувство композитора и Джульетта быстро сменилось горячим разочарованием. Вторая часть сонаты, изображающая лунный свет, должна была выражать смятение, мучительное перенесение разрывов с Джульеттой, создал в эти времена для него дикий произведение, удивительно глубоко выразившее его душевную драму.

Члены Чешской Академии наук высоко ценили Чайковский в Григорий Шопен и Лисе, Генрихом Берлини, знаменитым скрипачом, разодетым в формальный музей, находился в первой части «Лунной сонаты» «познано, невыразимую чевовеческими словами».

МОЖНО ЛИ УДАЛИТЬ ТАТУИРОВКУ?

— спрашивает В. КУЛИК из Кустинской области.

Недавно в юности подростки из озорства или из стремления походить на старых «морских волков» наносят себе на конку татуировку. Частички темного стойкого вещества попадают в сосочковый слой кожного покрова. Такие раны долго заживают, становятся для детей опасны, шрамы доставляют много неприятностей взрослым людям, и они часто прибегают к самым различным способам, чтобы избавиться от татуировки.

Составлены различные инструкции и другим единицам, составляем очень опасно, и тому же оставляет глубокие рубцы, устранив которые сложнее, чем татуировку, а иногда и вовсе невозможно. Поэтому для удаления татуировки или надписи на коже нужно обратиться к врачу-косметологу.

Легче всего удалить рисунок хирургическим путем, вырезав участок кожи с татуировкой и заменив его новой пластики. К сожалению, размеры и расположение рисунка не всегда позволяют произвести такую операцию. Тогда врачи прибегают к вымыванию рисунка раствором кислоты, засыпав кожу специальными аппаратами, или снягом угольной кислоты. И в том и в другом случае большой должна в течение двух-трех недель находиться под наблюдением врача. За советом обращайтесь в Институт врачебной косметологии по адресу: Москва, улица Горького, дом 19-а.

КАК САМОМУ ПОСТРОИТЬ ГЛИССЕРІ

С таким вопросом обратился в редакцию читатель П. ИВАНОВ из г. Читы.

О том, как построить глиссер, на котором можно отправиться в туристическое путешествие по мелководным рекам, в двух словах не расскажут даже самые опытные Сапоги и Сапоги. Ещё в 1956 г. в журнале «Ми-Кро» — «Справочник по мелким судам» («Судостроение», М., 1956 г.), Ю. Емельянов и В. Дзиневин — «Интер с автомобилевозными моторами» (издательство ДОСААФ, М., 1956 г.) и в журнале «Ми-Кро» — «Справочник для водителей» («Судостроение», М., 1956 г.), И. Юсупова — «Автоликс» (издательство ДОСААФ, М., 1959 г.).

Г. КУЗНЕЦОВОЙ из г. Костромы.

Песню из кинофильма «Жаждада», которая вам очень понравилась, написал композитор А. Эшпай на слова поэта Г. Пожежкина. Вот ее текст:

Ночь была с линиями,
И трава в росе.
Про меня «счастливала»
Говорили все.

И сама и верила
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки.

Утих все парни,
Утих все девушки.
Все девчата с парнями,
Только я одна.

Все ждала и верила
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки.

Ночь была, был рассвет,
Сиюю тень крыла,
У меня другого нет,
Тебя подала.

Все ждала и верила
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки.

Работница Ташкентского текстильного комбината С. СОСРАЛОВА просит рассказать о художнике Крамском и его картине «Неизвестная».

«НЕИЗВЕСТНАЯ» КРАМСКОГО

Глава школы передвижников, трибун нового поколения художников, И. Н. Крамской вошел в историю русской живописи как крупнейший мастер, открывший новые горизонты. Он создал целую галерею портретов своих современников: Толстого, Некрасова, Шевченко, Шишкова и других, раскрыв особенности характера каждого. Главное в творчестве Крамского — гуманизм в трактовке человека и его внутреннему миру.

Крамской построил его большая привлекательная картина самой даунинской и выразительной элегии. Даны кипящие жизненные картины быта, такие как «Христос в пустыне» построены как развернутые портреты, как подробные изображения лиц Толстого, Толстого его «Неизвестной». Прообраз героя остался неизвестным. Некоторые считали, что на портрет изображен Аксаковская Маргарита, это и так: Крамской был знаком со Львом Толстым, писал его портреты, и во времена Крамского Толстой горячо спорил по вопросам искусства. Оба произвели друг на друга большое впечатление. Крамской, конечно, сам Крамской, по утверждению многих, послужил для Толстого прообразом художника Борисова в его романе «Дама Каренина».

Портрет «Неизвестной», написанный художником в 1863 году, стал популярной картиной, популярностью пользуется у зрителя. Репродукция этой картины, распространенная миллионами копий, показывает фигуру женщины, которая несет в руках ребенка, кто никогда не бывал в залах Третьяковской галереи, где помещен подлинник.

В чем же секрет такой популярности «Неизвестной»? Художнику удалось создать обобщенную, типичную образ, типичную красавицу города, обаятельный. Прелестно ее молодое, немного лицо с мягким взглядом; темные волосы, блестящие темными кудрями, раскрытые длинными ресницами, прямой нос, чуть полные губы. Черный глубокий цвет глаз, темные волосы, подчеркивает близость лица; туалет выполнен в темных тонах, освещен золотистыми лучами марта. Белоснежные струющиеся волосы Молодой женщины проезжают в коляске мимо Аничкова дворца. Желтый петербургский дворец, сиреневые цветы, прорезанные строениями. Холодный серый фон картины еще более подчеркивает притягательную красоту Незнакомки.

Не многие знают, что существует этот и к этой картине, который хранится в Чехословакии.

«ЛУЧШИЙ» АНАТОЛИЙ АБАНОН — ВЪЕМПОЛ

Григорий Краснушкин и Юрий Калашников — заслуженные мастера спорта СССР
СКАЛАДОУ ЧУДА МАКСИМОВИЧ

КЛУБ
ЗНАМЕНЫХ
КАПИТАНОВ

Сегодня на посту для «Клуба знаменитых капитанов» разговор о футболе...

За всю историю советского футбола было десять капитанов, которые удостоились чести выводить на поле сборную команду страны. Это М. Бутусов, П. Григорьев, В. Ратов, П. Емельянов, И. Старостин, А. Старостин, А. Смирнов, А. Нетто, Н. Симонян, В. Царев. Одному из них, Александру Старостину, мы представляем сегодня слово.

Александр Старостин — представитель старшего поколения советских футболистов, капитан команды СССР тридцатых годов.

ЕСЛИ ВСПОМНИТЬ ПРОШЛОЕ...

Александр СТАРОСТИН

Футбол сейчас не тот, что был прежде...

В наше время в футбол, образно говоря, играли узкие специалисты. Защитники забывались только об обороне. Нападающие забывались только о борьбе за оборонительные функции, то есть единственный целью: удержать в последние минуты поединка достичь результат. Трудно припомнить случай, когда нападающему — пусть даже полусреднему — вменялась в обязанности опека кого-либо из соперников! Задачи каждого игрока точно очерчивались его ролью в команде, и футболист всегда стремился выполнить ее, лишь свои игровые обязанности, никакого не забывая о том, чтобы выйти за их рамки...

В связи с этим любопытно вспомнить, как играли лучшие футболисты нашего поколения.

Защитники были ярко выраженным защитниками. Так, Михаил Рущинский и Георгий Гостев считались многими годы непревзойденными мастерами обороны (правда, в те времена, когда положение «какие игры» фиксировалось не по дружескому исходу матча). Оба они обладали большой скоростью, но зато хорошо понимали игру, умели разгадать замысел соперника и адекватно отлично владели ударами. Они бы-

ли как бы последним оплотом обороны, ликвидируя опасные положения, независимо от того, кто прорывался к воротам. С введением новых правил «какие игры» Рущинский и Гостев вынуждены были менять методы боя, а физически более сильным и, я бы даже сказал, более бесстрашным защитникам — таким, как Петр Ежов, Константин Фомин, Павел Чечиков, Шота Шагвазидзе... И они тоже были в полном смысле слова защитниками, перед которыми ставилась лишь одна проблема — прервать атаку соперника. Они не опекали никого из нападающих, встречая любого, кто пытался прорваться к воротам.

Весьма своеобразно играли и полузащитники. Это было своего рода стеркеры команды. На плечи полузащитников ложилась труднейшая задача: владеть серединой поля, отбиваться от атак противника и следовать от нападающими, чтобы, в свою очередь, поддерживать их атаку. От полузащитников зависело очень и очень многое. Но, случайно, именно в те годы получила всеобщее хождение футбольная поговорка: «Синхронные полузащиты — сильная команда».

Что ж, у нас было немало хороших полузащитников. Сергей Егоров, Владимир Воног, Иван Привалов, Станислав Леута, Александров, Григорий Краснушкин и Юрий Калашников — заслуженные мастера спорта СССР — вспоминают полузащиты — сильная команда».

Сей Лапшин — все они отличались высокой техникой и очень умелыми действиями. Конечно, особенно большие требования предъявлялись к центру полузащиты. И мне сейчас очень приятно отметить, что в этой роли у нас есть настоящий мастер — петровский мастер Федор Семин, Павел Батырев, Владимир Фомин, Андрей Старостин. Именно он они брали на себя самую тяжелую нагрузку во время состязаний, становясь на посту дела, опорной базой команды, где сплетались все нити, связывающие защиту и нападение.

Полузашитники тоже имели ярко выраженные «лица». Они были... именно полузащитниками. Они оборонялись и завязывали атаку, но очень редко сами атаковали ворота и почти никогда не забывали голы из игры.

Мне, тоже игравшему защиты, пришлось играть со всеми известными мной футболистами либо в клубной, либо в сборных командах СССР, РСФСР и Москвы. И я с особым удовольствием вспоминаю эти встречи, ибо всегда уверенно чувствовал себя рядом с такими опытными и спокойно потому, что знал: в случае неудачи мои друзья принесут на помощь, они незамменно

оказутся там, где необходимо их присутствие...

Однако продолжим разговор. Обязанность забивать голы целиком ложилась на нападающих. Читатель может спросить: «А сейчас разве дело обстоит иначе?» Нынешние границы между игроками защищают превосходные петровские мастера Федор Семин, Павел Батырев, Владимир Фомин, Андрей Старостин. Именно они они брали на себя самую тяжелую нагрузку во время состязаний, становясь на посту дела, опорной базой команды, где сплетались все нити, связывающие защиту и нападение.

Полузашитники тоже имели ярко выраженные «лица». Они были... именно полузащитниками. Они оборонялись и завязывали атаку, но очень редко сами атаковали ворота и почти никогда не забывали голы из игры.

Мне, тоже игравшему защиты, пришлось играть со всеми известными мной футболистами либо в клубной, либо в сборных командах СССР, РСФСР и Москвы. И я с особым удовольствием вспоминаю эти встречи, ибо всегда уверенно чувствовал себя рядом с такими опытными и спокойно потому, что знал: в случае неудачи мои друзья принесут на помощь, они незамменно

личной техникой и хорошо видели поле. Центр нападения являлся лидером атак, в зависимости от его данных строилась вся система игры нападения.

Рассказ о нападающем мне хочется начать с одного из самых интересных футболистов прошлого — с Петром Ильиничем Болеславским, любившим величественные пресс-фразы. Внешне Исааков был мало похож на футболиста. Навыковый, несильный физически. И began он плохо: на стартовке еле-еле «выходил» из 16 секунд. И тем не менее он был превосходным мастером футбола. В течение десяти лет он являлся игроком сборной СССР. И все эти десять лет никого в сборной не называли никак кандидатурами, кроме Исаакова.

Вот что он скептически относился к своему секрету: Исааков был исключительно техническим игроком, владел несильным, но хорошо поставленным ударом, изумительным дриблением и, главное, отличался необычайными игровыми чуткими. Мы всегда были уверены: если мяч попадет к Исаакову, то он обязательно передаст его туда, где легче всего прорваться к воротам... Сам Исааков забивал мало мячей, но зато большинство голов возникало с его пасов. И это было моментами, которые создавали этот необыкновенно умный футболист.

Исааков играл всегда сэди и, по сути дела, как автором своей системы игры — так называемым «путь в линию с отягнутым центральным нападающим». С уходом Исаакова из большого футбола эта система прекратила свое существование...

Превинимая Исаакова в роли центрофорварда оказались также хорошо: футболисты: Сергей Иванов и Сергей Овчинников. А позднее в этом амплуа заблистала звезда Григория Федотова, о котором можно сказать следующее: это был Исааков, только быстрее его и физически здоровее. Поэтому, Федотов до сего времени остался непревзойденным центральным нападающим нашего футбола! Он действительно взрывает атаки. Не только создавал моменты для других, но смело брал на себя инициативу в завершающих комбинациях. Да и голов забивал больше, чем любой из его партнеров!

Кто же находился рядом с теми, кто выступал за нас в роли центральных нападающих в те времена? Выделялись Петр Григорьев, Николай Старостин, Валентин Прокофьев, Сергей Ильин, Гайон Джеджелашвили. И, конечно, замечательный след в развитии футбола оставил превосходные полузащитники прежних лет — Михаил Бутсов, Павел Канунников, Петр Артемьев, Петр Дементьев, Михаил Якушин, Александр Шляковский. Каждый из них был поистине мастером комбинационной игры...

Итак, повторю: раньше в футбол играли узкие специалисты, строили комбинации своим игровым феноменом и даже не пытались выходить за их рамки... Делало ли это футбол однобоким и неинтересным? Думается, нет. Больше того, я считаю, что в зреющем отношении к футболу тридцатых годов были даже преимущества перед нашим сегодняшним футболом. И это не случайно.

Каждая линия команды у нас

имела свои наигранные тактические комбинации. В то же время большинство команд играло по-разному. Например, стиль динамовцев был не скож со стилем «Спартака», и, хотя в первом ряду редко отставали от манеры «Металлурга» или же «Локомотива». Большое значение имели и голы. Во-первых, забивалось их больше. Во-вторых, они, как правило, не заканчивались в ворота, а забивались отличными ударами метров с 15—20, а то и с более дальнего расстояния. Не случайно, когда ныне форварды проводят красивый мяч, старожилы футбольных трибун нередко говорят с уважением:

— О, гол забит, как в старое время...

Что же это? Исааков был необычайно привлекателен. В памяти у меня, например, осталась одна из матчей сборных команд Москвы и Ленинграда в полуфинале Первой всесоюзной спартакиады 1928 года. Тогда было забито 8 мячей (четыре 5:3 в пользу москвичей). И какие это были голы! Они забивались после отличных комбинаций, пускавших ударами, в самые драматические минуты поединка. И побольше встремилось много. Очень много...

После последних моих слов кое-кто может подумать: «Ах, мал, раньше играли лучше». Нет, это не так. Как и все виды спорта, футбол тоже имеет период неизменно высокого уровня. Возьмите прославленных бегунов братьев Знаменских. В свое время их достижения считались феноменальными, даже неописуемыми. А сейчас спортсмены, показывающие такие же результаты, если не тысячи, то на порядка сотни. Примерно то же и в футболе. Невозможно, конечно, свести на зеленом поле нынешнюю сборную и сборную тридцатых годов. И все же надо помнить, что и тогда были признаны «сейчас футбол более темповый, нынешние команды играют сильнее».

Однако смысл нашего разговора в другом. Дело в том, что советский футбол в последнее время стал каким-то очень однообразным. Все наши команды без исключения применяют плотную персональную опеку соперников. И играют они как-то очень уж одинаково. По-моему, даже коллеги «Динамо» и «Спартака» ссылаются на один и тот же один из другого. И это, конечно, путь в тупик. Тренеры боятся творчества, заранее выбирают тактику и подчиняют ее все действия футболистов. Некоторое время назад, к примеру, была модна тактика игры с блуждающим форвардом. Теперь, почему-то все отказались от такой тактики. Возьмите в другой. Вот еще цитата из «Помордышева» (бронзовий СКА) и Ю. Короткова («Молодежи»). Первый — высокий, скользкий; второй — маленький, физически несильный. И оба играют одинаково, словно близнецы. Пусть обидятся на меня тренеры, но эти их вина, что они ставят футболистов нежелательной игры.

Еще можно понять, когда та же тактика придерживается слабые команды. Их, как говорится, «не до конца, быть бы живу». Но вот выступает, скажем, московское «Динамо» — и это уже настоящий мастер Б. Кузинцов. И вот он ведет себя точно так же. Он ни на шаг не отходит от «своего» мяча что умеющего крайнего форварда. Разумно ли? Нет и нет. Неверно «разменивать» сильного игрока на слабого. Дай Кузнецкову большую свободу действий, — он принесет и несравненно большую пользу. Ведь он мастер, а не начинающий футболист.

Лично я против стопроцентной персональной опеки в футболе,

Момент одного из матчей тридцатых годов.. Мяч принимает Александр Старостин.

Фото В. Чечерова.

Конечно, нужно опекать классных мастеров, представляющих собой особо грозную силу. Например, Г. Федотова и раньше нередко «сторег» не один защитник, а два. И это была правильная опека. Но не стоит заранее лишать всех футболистов инициативы и самодетальности.

И это характерно только для национального футбола. Мне нравится видеть, как в Европе чемпионаты в Швейцарии. Там в умруд дарят футбол. Оказывается, лучшие зарубежные защитники редко прибегают к индивидуальной опеке. И как увлекательно при этом футбол! Иногда думается, матчи с участием команд Бразилии и Франции могут служить образцом настоящего большого футбола. Бразильцы и французы играют очень свободно, избирают тактику, исходя из данных своих футболистов, ставят на первыи план не силу, а технику и комбинационность.

Наш же футбол, как мне кажется, идет краем в чрезмерной неправильности пути. Тренеры боятся творчества, заранее выбирают тактику и подчиняют ее все действия футболистов. Некоторое время назад, к примеру, была модна тактика игры с блуждающим форвардом. Теперь, почему-то все отказались от такой тактики. Возьмите в другой. Вот еще цитата из «Помордышева» (бронзовий СКА) и Ю. Короткова («Молодежи»). Первый — высокий, скользкий; второй — маленький, физически несильный. И оба играют одинаково, словно близнецы. Пусть обидятся на меня тренеры, но эти их вина, что они ставят футболистов

в такие условия, что те не в состоянии проявить свою индивидуальность. Для «Молодежи», пожалуй, будет полезнее, если Ю. Коротков попытается играть так, как играл в свое время Г. Исааков. Для нашего футбола это принесет только хорошее. Ведь разнообразие в спорте всегда лучше однообразия!

Хочу обратиться и к адрес Федерации футбола СССР. Помоему, федерация тоже повинна в том, что футбол у нас становится все более однообразным. Федерация рассыпает командам тренировочные установки и требует их беспрекословного выполнения. Тренеры письменно отчитываются перед федерацией. И на бумаге как будто все выходит гладко. А на поле... Извините, кажется, тренеры лучше обходятся без неумной писаницы. Думаю, что не стоит им также называть одинаковыми для всех методы тренировочной работы. Это, во-первых, приучает тренеров работать «по шпаргалке», во-вторых, вольно и невольно ведет к тому единобразию, которое так портит нашу современную футбол.

Не подумайте, что своим выступлением в «Клубе знаменитых капитанов» я хочу потешить нашу публику в эти праздничные годы. Ни в коей мере! Я только высказал свое мнение о футболе прошлого и настоящем, рассказал о том, что меня тревожит — теперь уже как футбольного зрителя, как человека, который от двух душ желает нашему футболу процветания и крупнейших международных успехов!

Острая атака. Снимок сделан во время матча сборных команд СССР и Польши.

Фото А. Бочинина.

СТОИТ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ...

Фото Г. Дубинского.

Редакция получила письмо из Омска. Автор его — член заводского комитета комсомола Юрий Пермяков.

«Мне очень хочется, — пишет Юрий, — чтобы наш завод имел много спортивных, чтобы люди были здоровыми. Но как этого добиться? У нас нет своего стадиона, спортзалов, баз, нет спортивников... Мы думали, просили, но безуспешно... Как создать массовый спорт!»

Сегодня мы рассказываем о заводе, где совсем недавно положение было почти такое же, как и на предприятии, где работает Юрий Пермяков. Комсомольцы с этим не смирились. У них хватило энергии, настойчивости, выдумки, чтобы сделать спорт достоянием всей заводской молодежи.

ТАК РОДИЛАСЬ СЕКЦИЯ

...В один из суббот в проходной Ерзовского электромашинно-строительного завода имени В. И. Ленина висели объявления: «Завтра состоится первый тур соревнований на первенство завода по поднятию тяжестей. Приглашаются все желающие. Кто самый сильный на нашем заводе? Об этом же известили рабочих многогранника и заводское радио, газеты и журналы. Заводская секция штангистов состояла в то время... из 4 человек. Занимались кто как мог. Даже штангу по случаю соревнования пришлось «занять» у спортсменов соседнего завода. И все же помечтаться удалось 35 человек. «Я же не ложусь», — по очереди снимали пиджаки и, засунув руки, подходили к штанге.

— Давай, ребята, не робей! — неистово кричали бородачи.

Ребята смеялись, заглядывали за гриву, и демонстрируя невероятные комбинации из жима, рыска и толка, пытались подняться над головой непослушную штангу. Это удавалось всем. Всий здоровейший детина, отдуваясь и эхом на себя, под хохот зрителей бросал штангу и скрывалась в толпе.

Но вот «прибыли» зудегли:

— Арама!

В кругу находившегося гигантского роста парня в общепризнанный купальник Арам Мургадян. Он поплевал на руки, не спеша подошел к штанге, смущенно улыбнувшись и... поднял стокилограммовый снаряд.

Бородачи бешено зааплоди-

ровали. Но каково было их удивление, когда один из судей сообщил, что такой вес под силу... спортсмену легчайшего веса.

— При соответствующей тренировке, конечно, — подчеркнул судья.

А через месяц, когда подошло время второго тура, участвовать в соревнованиях не хватило: вызвались учащиеся 157 человек. Тогда интересовались, теперь все разбрелись к тяжелым, способами поднятия штанги. Они хотели учиться.

Так на заводе была создана секция, многочисленная, крепкая, дружная. Вскором времени в ней выросло 16 спортсменов второго разряда и один перворазрядник. Затем же путем завоеваний сотни сердец и легкой атлетики. Сейчас стала традицией в один из майских дней устраивать на заводе «штангистский день». Победитель — «штангист года». Победитель — медаль метателя. В этих соревнованиях не start может выйти камдий, кто хочет попробовать свои силы. Прошлогодний «день бегущих» собрал 700 юношей и девушек.

ВИД ИЗ ДИРЕКТОРСКОГО ОКНА

Из кабинета директора завода Валентина Спиридовича Минасяна был виден огромный захламленный пустырь. Частенок директор замечал там вату парней, которые с криками гоняли мяч.

Как-то Минасян показал эту картины председателю завода:

— Это наши там играют или чужие?

— Наши, Валентин Спиридович, сборная завода.

— Гм... А почему они там одеты? Черт у нас, мажк нет, форму не можем купить?

— Да они обращались... Вы, говорят, их слушать не заколите.

— Ну, пусть пайдут...

У сборной появилась форма.

А когда заводские футбольисты впервые завоевали кубок района, они снова пошли к директору. В приемной в очереди с рабочими и инженерами сидела торжественная группа: председатель совета физкультуры Мирза Пиязян и два футболиста. Один из них бережно держал в руках сверкающий кубок.

После этого посещения команда завода в новеньких, скрипящих бутсах.

«Метод наглядной агитации», как называли его в штуке в совете физкультуры и в комитете комсомола, действовал безотказно. Оказалось, директор вовсе не был равнодушным к спорту человека. Он любил спорт, любил соревноваться, боксером — ринг.

— Молодцы! — говорил он ребятам. — Теперь вижу, что действительно за дело взялись. Слышишь, вы стадион хотите строить. Правильно! И здесь поможем. Но

не забывайте: стройка-то комсомольская!

Это было как раз в то время, когда перед заводскими спортсменами остро стал вопрос о спортивной базе. Разросшиеся цеховые и заводские секции занимались где придется: Футбольное поле, беговые дорожки, спортивные залы, где приходилось арендовать на стороне.

Работа на пустыре началась с субботников. То волейболисты разравнивали для себя площадку, то 10—15 футболистов подновляли поле. Но когда спортсменам поддержал комитет комсомола, дело пошло по-другому. Теперь по вечерам на пустыре собирались по несколько сот человек. Комитет ВЛКСМ устроил грабельную работу для каждого цеха. Потом появился огромный плацдарм, вырытым котлованом для бассейна, сделаны футбольные ворота, баскетбольные щиты, стойки, утрамбованы теннисный корт, беговую дорожку. И директор сдержанно обещал: вокруг стадиона будет сооружена красавица ограда. Построены вход из розового туфа, с арками и решетчатыми воротами.

И когда майским погожим днем заводская молодежь торжественно открыла свой стадион, первым ее приветствовал директор Минасян...

БАБКА И АЛИ — «РЕБЯТА С ДЫМОМ»

Когда изненожный, коренастый Бабик Минасян пришел на завод из ремесленного училища, за него приползла слава «отпетого тарана, хулигана и драчун». И на заводе Бабик во главе компании таких же сорванцов не давал никому

С заводскими штангистами занимается тренер-общественник Георгий Киязян.

© В заводском коллективе можно воспитывать спортсменов высокой квалификации! Это доказали электромашиностроители. Сейчас на предприятиях 37 перворазрядников, 4 мастера спорта!

© За последний год ряды заводских спортсменов выросли на 90%.

© Недавно при электромашиностроительном заводе открылась спортивная школа для детей рабочих и служащих предприятия. В ней уже 75 учеников!

© 2 тысячи спортсменов в 1960 году! Такую задачу поставили перед собой комсомольцы и спортивные активисты завода.

прохода. Мирлан Пильянов впервые увидел его как-то на пустыре, где тренировались футбольисты. Бабкин в этот раз сорвал тренировку: он дразнил вратаря, зевал киркоров, то и дело пытался стать в ворота. «А ведь парню до смерти хочется играть!» — подумал Мирлан. И, подойдя к Бабкину, предложил:

— Хочешь, приходи тренироваться. Следующее занятие послезавтра.

Паренек буркнул что-то в ответ и вразвалку пошел к выходу.

На тренировку он все-таки пришел. И с той поры не пропустил ни одного занятия. Бабкин без устали гонял мяч. Он оказался быстрым, ловким игроком. Появился у него и новые друзья. На заводе он парней стал говорить увеселенно: «За сборную играет».

Как-то раз во время тренировок старые дружины Бабкина снова затянули врознь. Ребята хотели их утомить, но Бабкин сказал:

— Подождите, я сам...

Футболисты видели, как их нападающий подошел к шумной компании и что-то сказал. После этого вся «братьев» поплелась со стадиона. Больше не тут не видели...

Вый же команда стала играть защищением азербайджанец Али Оруджев — председатель заводской футбольной секции. Недавно его избрали в состав пленума республиканской Федерации футбола. А передовым в работе среди рабочих Бабкин стал капитаном к тренерской борьбе. Он отличный организатор, пользуется у ребят большим авторитетом. Бабкину присвоили звание тренера-объединителя.

СЕМЬДЕСЯТ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ

На заводе шла конференция спортивного актива. Поднялась Нина Рыбакова и скромно сказала:

— У нас в городе спорт считается мыслью. Но почему же забыли о девушках? Их ведь в секциях мало. Плохо мы работаем, ребята... Вот что я предлагаю. У меня первый разряд по плаванию.

Самый меткий стрелок завода — мастер спорта инженер Сатик Ан-желова

Думаю, смогу привести в бассейн четырех подруг, научить их быстро и красиво плавать. И никакой особой агитации не требуется. Многие хотят заниматься спортом, так что все зависит от нас, общественников...

Так в Ереван перекинулись огнем, зажженный иркутянами.

Без общественников мы бы ничего не сделали», — говорит Мирлан Пильянов. — Не будем в рабочих интересах к спорту мы не смогли бы наладить тренировки. И наш стадион пустовал бы по сей день. Помогли нам тренеры-общественники. Это 70 лучших спортсменов завода: рабочие, инженеры, лаборанты, конструкторы. Двенадцать из них учатся сейчас на двухгодичных курсах при Ереванском институте физкультуры. Остальные посещают семинары по общему «шахматному».

...Кончается рабочий день, и общественники спешат на спортивплощадку на стадионе, залитый в бассейн. Всё болят с членами в руке Геворг Кизякин. Он спешит. Ему всегда некогда. В спорте же ему ждут воспитанники — члены секции шахматистов.

Рядом зал боксеров. Ребята езждают с мешками, перебрасываются тяжелыми мячами, кто-то устало приговаривает со скакалкой. Тренировку тут ведет рабочий генераторного цеха мастер спорта Карапет Карапетян. Он сам воспитывал боксеров. Стала и мастером Карапет — гордость заводских ребят. Они были его самыми верными бойцовскими, когда Карапетян участвовал в соревнованиях на первенство страны или выступал в международном матче с иранскими боксерами.

Каждый день проводят час-половина в заводском тире инженер-строитель Сатик Анжелова. У этой девушки твердая, сильная рука. И глаза зоркие, как у горной птицы. Сатик — мастер спорта по стрельбе. Сейчас она готовится к соревнованиям сборной завода. У Сатик много общественной работы: он член совета физкультуры, председатель заводского совета ДОСААФ. Так что не было еще случая, чтобы Сатик пропустила тренировку...

А. ШАКИН

г. Ереван.

На уроке бокса...

Спортивная МОЗАИКА

Рекорд терпения

Музыкальный марафон

Разные вещи берут у себя спортсмены во время состязаний. У одних в руках можно увидеть бильярд, у других — талismanы. Известный французский бегун Минун не забыл ничего нового.

Во время марафонского бега на 42 километра он едет со проводчиком на автомобиле, из радиоприемника которого непрерывно лилась дикторская запись. Минун собирается использовать это своеобразный допинг на Олимпиаде в Риме.

Некоторые любители пинг-понга Канады предпочитают устраивать соревнования новым видом: ноги долбят удернит мяч над столом.

Понк рекордсменом считается юный джентльмен из Монреаля. Они провели у стола 13 часов 10 минут, ни разу не уронив мяч на пол.

Что же это время «прородильные» атаковали: они лишь перекидывали мячи.

Вода и... вино

Около двадцати лет назад в Аргентине проходила чемпионат мира по плаванию. Тогда она мечтала о золотых медалях. Мечта не сбывалась. Но было счастье. Недалеко от японки, тогда уже тридцати, решила испытать счастье и насладиться алкогольным употреблением алкоголя.

На специальных состязаниях они соревновались в плавании под водой, победив всех своих соперниц. Самым интересным в этой истории является то, что убыток был официально обявлен благодарность за ее «подвиг». Так на соревнованиях были организованы благотворительные цели: доход от него шел на восстановление разрушенного «святого дома».

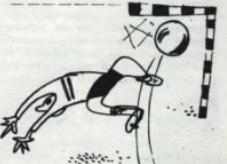
Вратарь

бьет

пенальти

В разгар матча между командами Чехословакии и Северной Ирландии на Кубок Европы, который проходил в Брюсселе, судья назначил пенальти в ворота ирландцев. Но что такое? Через всю аренду 11-метровый коридор направился чехословацкий вратарь Стахко. Ирландские игроки и вратарь в немедленном порядке вспомнили инцидент, когда в 1970 году в рамках Чемпионата мира по футболу ирландский вратарь О'Нейлль на счету Ириха 18 реализованных пенальти из 181. Ни один игрок в мире не может похвастаться такой поистине стопроцентной результативностью.

Стахко считается первым вратарем Чехословакии. Однако лишь в 1970 году началась его «пенальтистская» карьера. Когда он посыпал на голову пенальти и увидел, что его коллеги бессильно отразить удар. В этом «убийстве» не участвовал ирландский вратарь О'Нейлль. На счету Ириха 18 реализованных пенальти из 181. Ни один игрок в мире не может похвастаться такой поистине стопроцентной

Рисунки В. Чижинова и В. Недогонова.

По следам вариолы “ВВР”

А. МИЛЬЧАКОВ

Всередине января нынешнего года посетители двенадцатого корпуса московской больницы имени Боткина, пришедшие навестить больных, были очень удивлены непонятными переменами. Двери корпуса оказались запертыми, всяко общение с больными было строжайше запрещено. Через день не разрешалось проходить уже в восьмой корпус, а потом и в тринадцатый.

Посетители недоумевали, что происходит. А через несколько дней по больнице разнеслась тревожная весть: в запретной зоне зарегистрированы случаи заболевания какой-то очень зарядной болезнью. Слухи были разные, но толком объясняли тогда, что это за болезнь, мало кто мог...

* * *

В кабинете главного врача Московской городской санитарно-эпидемиологической станции Михаила Семеновича Соколовского в этот день было тесно. Здесь сообрались врачи, сотрудники станции. Здесь был заведующий лабораторией акушерской Георгий Николаевский еще довольно молод; ему немногим более тридцати. Но он уже имел звание старшины, а себя считал опытным, знающим врача. За семь лет работы на станции он провел тысячи сложнейших анализов и исследований.

Соколовский коротко обрисовал обстановку. Художник К., вернувшийся накануне Нового года из-за границы, внезапно заболел и скончался. В больницах с ним вдруг же немало людей. Это были врачи, медсестры, его друзья, родственники. Тут же вспомнили о том, что в больнице имелись язвенные язвы на языке, ушибы, симптомы болезни, которая полностью совпадают с начальной стадией болезни художника К. Две заболевавших — сотрудники больницы, общающиеся с художником К., третьи — художник Н.— друг по-крайности. Теперь для уточнения диагноза нужно произвести тщательнейшее исследование больных.

— Предположений о характере

заболевания немало, — говорил Михаил Семенович. — Но точный диагноз можно будет поставить лишь тогда, когда станут известны результаты лабораторного анализа. Должен предупредить, что дело очень серьезное, есть подозрение на “ВВР”. Сейчас все зависит от врачей, которые по- ручены провести лаборатории Института имени Менинкова и нам...

Когда все разошлись, он попросил доктора Николаевского задержаться.

О многом передумал главный врач, прежде чем начать разговор.

...Заведующий лабораторией акушерской Георгий Николаевский еще довольно молод; ему немногим более тридцати. Но он уже имел звание старшины, а себя считал опытным, знающим врача. За семь лет работы на станции он провел тысячи сложнейших анализов и исследований.

Соколовский коротко обрисовал обстановку. Художник К., вернувшийся накануне Нового года из-за границы, внезапно заболел и скончался. В больницах с ним вдруг же немало людей. Это были врачи, медсестры, его друзья, родственники. Тут же вспомнили о том, что в больнице имелись язвенные язвы на языке, ушибы, симптомы болезни, которая полностью совпадают с начальной стадией болезни художника К. Две заболевавших — сотрудники больницы, общающиеся с художником К., третьи — художник Н.— друг по-крайности. Теперь для уточнения диагноза нужно произвести тщательнейшее исследование больных.

— Если это действительно «ВВ», то тогда придется принимать самые срочные меры, — тихо говорил Михаил Семенович.

Нужно ли было этим двум опытным специалистам говорить друг другу о том, что подобные обследования и анализы чрезвычайно опасны для самого врача? Голос Николаевского прозвучал буднично и неторопливо, как всегда:

— Я готов выехать сейчас, Михаил Семенович!

Соколовский медленно поднялся из-за стола. В душе его боролись два чувства: тревога за судьбу молодого способного сотрудника и гордость за работу своего яркой армии советских врачей.

Он торжественно обнял Николаевского и крепко прижал его к себе.

Через несколько минут из Графского перепуска на проспект Грибоедова стремительно выплыла санитарная машина.

«Ты начинаешь бой за жизнь людей!» — вспомнил Георгий слова Соколовского.

...В больнице имени Боткина Николаевского прошел час. Потом борт спешно покинул в спешном костюме и надел многослойную маску, предохраняющую самое уязвимое место — лицо. Теперь жизнь доктора Николаевского целиком зависела от того, насколько осторожно и четко он производил обследование больных. Георгий привычным движением взял лабораторный цинковый ящичек. Вздохнул глубоко и, стараясь думать о постороннем, шагнул в палату...

Фото М. Муразова.

Он брал для анализа кровь у больных, тихо разговаривал с ними, успокаивал, рассказывал смешные истории из своей врачебной практики, делал то, что приводил их в добровольство: пути больных, аккуратно снимая пробу слизи из носа и горла. Осторожно вскрывал бугорки и нарости, образовавшиеся на теле больных, чтобы позднее зоркий объекток микроскопа помог врачам окончательно раскрыть зловещую тайну болезни. Но уже теперь опыт эпидемиолога подсказывал ему, что Соколовский, возможно, уже был привит.

Николаевский сидел себе на мысли, что уже с минуту сидит неподвижно, с опущенными книзу руками. Он словно сейчас понял всю тяжесть ответственности, обрушившейся на его плечи. Поправил маску, прерывисто и неровно дыша от недостатка воздуха, он методически проделал обследование еще и еще раз... Выходя из палаты, Николаевский астрятил в коридоре сотрудникцу отдела инфекционных болезней Елену.

Она тоже собирала анализы для лабораторного исследования. Как хотелось Георгию побеседовать с нею, поделиться своими опасениями! Но времени у обоих было не много.

Георгий вернулся в свою лабораторию очень поздно. Но никто из сотрудников не расходился по домам: все ждали Николаевского.

— Нужно шесть человек, чтобы закончить все анализы в течение суток, — сказал Николаевский по-

не недолгой паузой.—Анализировать пробу—почти то же самое, что вступить в контакт с больным. Вам не требуется объяснять великому опасности...

— Георгий Петрович! — услышал он из своей спиной робкий девичий голос...— Можно сейчас приступить к работе?

Николаевский обернулся. У окна стояли три двадцатилетние лаборантки—комиссары Зоя Бионгравова, Женя Каткова и Марина Григорьева, которые были его лучшими учениками. В своем деле, требующем зоркого глаза, терпения и выдержки, они достигли почти совершенства.

— А вы понимаете, на что идете?

— А мы уже по два раза привезли сделали! — сказали девушки и покраснели.— И потом, хотите ли вы этого или не хотите, чтобы мы вас разносили одного не оставили...

Николаевский попытался что-то возразить, но, увидев умоляющие глаза учеников, сказал коротко:

— Ладно! Спасибо! Идите передвигайтесь...

Вместе с Георгием в лаборатории остались доктора Ю. И. Литинский, А. М. Ошверозин, Е. П. Пильская, Ф. Г. Ицилес. Приступили к анализам. Исследовательские клетки живой ткани постепенно в пробирки, зарывая их жидкостью, взятой от больных. Час за часом в напряженной тишине наблюдали в микроскоп за бесцветными, отчечно-просвечивающими клетками, соединявшими между собой извилистые, причудливо изгибавшиеся мостиками.

В эту ночь мало разговаривали друг с другом. Ждали результатов. Когда же они прибудутось бледное утро, все селились у стола, где сидел Николаевский. В продоловатый черный окуляр отчетливо было видно, как с каждым часом клетки живой ткани темнеют, смежаются и скрываются, разрушают соединительные мостики. Продолжавшиеся клетки превращались в бесцветные, неизвестные, лежащие на стекле. Это была мертвата ткань, пораженная вирусом. Такие же результаты были выявлены на всех остальных пробах.

Николаевский познакомил в Научно-исследовательский институт имени Мечникова. Оказалось, что там опыты дали точно такую же картину.

— Я твердо уверена,— вздохнуто сказала заведующая отделом вирусологии кандидат медицинских наук Лидия Сергеевна Маренина,— это вирус «Вва».

«Вва!» Этот условный шифр поставлен только специалистам-медицикам. «Варнила Взра» — «черная оспа».

«Варнила Взра» — болезнь крайне опасная. И если не принять самые строчные меры, она может стоить многих человеческих жизней. «Черная оспа» легко передается от больных к здоровым людям даже по воздуху. Вирус оспы необычайно активен. Один больной может заразить сотни людей. Особенно восприимчивы к оспе дети.

Николаевский еще раз прошмыгнул все анализы. Только сейчас ему стало ясно, почему врачи не сразу установили диагноз болезни художника К. Он заразился очень редко встречающейся в Европе разновидностью «варнила Взра», так называемой «пурпурной оспой», вызывающей ужасную

сыль, усиленный приток крови к паром коже и мучительные судороги. Эта разновидность «черной оспы» — самая опасная и самая заразная из всех форм болезни... «Варнила Взра» постучалась в двери Москвы...

* * *

Теперь уже начиналась самая ответственная часть работы. Разведка борьбы с болезнью. Принималось само сражение. Сражение, успех которого зависел от тщательно продуманного стратегического плана — плана борьбы за жизнь москвичей, ничего не подозревавших о грозящей опасности.

Три случая заболевания с полной определенностью подсказали, что первая наибольшая опасность для окружающих представляют все те, кто находился в контакте с художником К. Эти члены семьи, родственники, друзья. Разыскать их и принять необходимые меры было не так уж сложно. Но опасаться заражения следует не только от родственников и друзей покойного. Ведь художник К. по дороге в Москву и после возвращения общался с сотнями людей. С неумолимой очевидностью напрашивалась вывод: надо найти всех этих людей! Это невыполнимо трудно, но необходимо. Необходимо потому, что каждый из них представляет сей-

час опасность для окружающих. Возможно, люди, встречающиеся с художником К. после его приезда, находятся сейчас в Москве. Возможно, уже уехали. Последнее еще более опасно. Но все равно их надо искать. Искать немедленно для москвичей, чтобы не посетить ложных слухов, не вызвать паники. Искать, искать, искать...

Соколовский вызвал на совещание, заведующую офтальмологической клиникой профессора доктора Самвелову, и не единственный разработавшую на городской санитарно-эпидемиологической станции. Она вошла к Соколовскому с подробной картой Москвы и записной книжкой, в которой были сделаны первые записи об экстренных мерах. Говорили очень кратко.

— Самолет, на котором пришел художник К., делал посадку в Ташкент. Там он принял на борт группу новых пассажиров. Всего Мозгу доставлено семьдесят пять человек. Половина из них — иностранцы. Нужно как можно быстрее разыскать адреса и фамилии всех пассажиров, — говорила Самвелова. — Сейчас выяснилось еще одно обстоятельство: первый из заболевших от контакта с художником К., врач Т., уже будучи больным, дал не сколько консультаций в одной из московских поликлиник. Он принял около ста двадцати пациентов...

Присутствующие обеспокоенно переглянулись.

— Нужно поднять их лечебные карточки в клинике — продолжала Самвелова, — и немедленно всех разыскать. Другие больные, медсестра П. и художница Н., уже назвали людей, с которыми встречались изнанки заболевающих. Помните, товарищи: от того, насколько быстро мы установим наблюдение за людьми, находившимися в контакте с больными, зависит судьба города. Дорога каждой минуты...

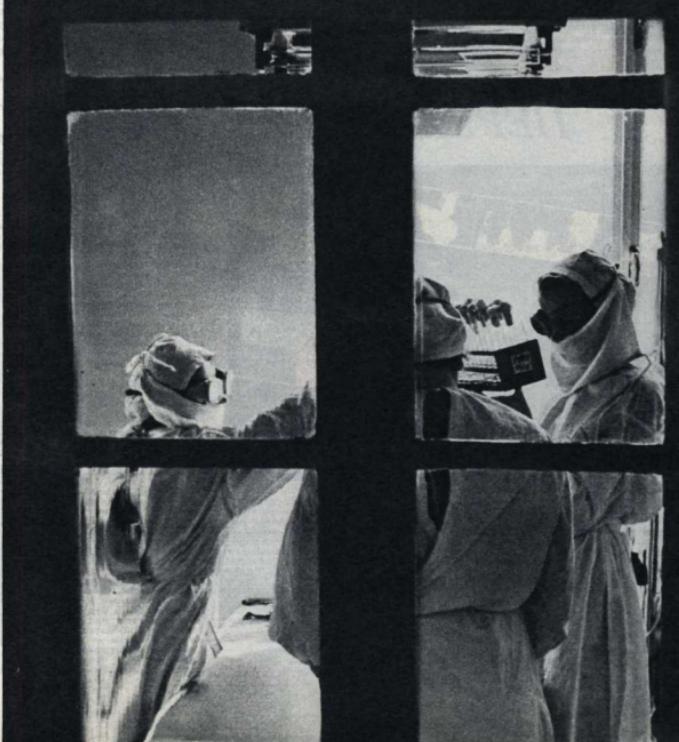
Одни за другим выходили из комнаты партийные и советские работники, сотрудники Управления внутренних дел Московского Совета, районных отделений милиции.

А в комнате на втором этаже, где склада доктор Самвелова, возник штаб: откуда притянулись нити во все районы города.

Телефон в штабе звонил ежеминутно. Как это часто бывает, в последнее мгновение, высыпалось многое непредвиденных случаиностей. В поликлинике, где доктор Т. давал консультации, не все пациенты оказались зарегистрированы. Пришлое опрашивать весь медицинский персонал, чтобы установить личность тех, кто не попал в регистрационную книгу.

Огромные списки на столах штаба доктора Самвеловой постепенно росли. Уже наступил вечер,

Работа в лаборатории не прекращалась до рассвета...

«Я еду, смышишь!»,
«Дайте же рабиком»,
«Уже бороним...»;
«Слышу, влезжало!»
«Райком! Пшик, основу урожая
Закладываем...»;
«Что, отпущен лом?...»

«Я еду! «Мысли, может, подождем?»
По проводам летят любовь чужая,
Сурой бас, кому-то угрожая,
О сроках говорят.
А за окном

Дождит впервые, тучи виснут низко,
Не выедешь на шагу без риска
В грязи завязнуть — тягни готова.

Умаялась совсем телефонистка,
Да, что поделаешь: весна идет, и вновь
Скрестились посевная и любовь.

Пред ним трепещут все, такой он строгий,
Геолог главный комбината,
У входа долго вытирают ноги,
Прокашливаясь виновато.

Он лысый и худой Дон-Кихота,
Чтоб не курить — конфета за сквою.
Ах, как мне представляться не охота,
Обицься с удовольствием тако!

— Я от газеты...
— Не могу, и занять.
— Послушайте, мы подадем газету!
И он, как отыскал наказание,
Беседует, сося свою конфету.

МОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ

ГЛАВНЫЙ ГЕОЛОГ

Встает из-за стола, угрюмо ходит,
Я слушаю его и почитаю.
Вдруг он воскликнула:
— Вы ж в поездах вроде,

Я тоже малость... Хочешь, почитаю?

Он лырик, он готов молиться Фету,
Он выпытана тетрадь. Через минутку
Он выплюнул к чертам свою конфету
И быстренько сваргнул самокрутку.

И понеслось... И тридцать, сорок порций
Он выпытана водицы. Виды
О печально молодые стихотворцы,
В дыму табачном яростные лица!

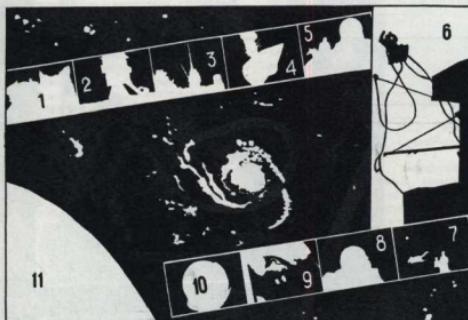
Но знаю, откуда поверье идет,
Та формула, полная яда:
Увидят немало тяжелых небывод
Влюбленные с первого взгляда.

Но только советы такие не впрок,
Они для сердец не преграды.
И мы пошли по одной из дорог
Влюбленные с первого взгляда.

Случалась метель на ином рубеже,
Соседи судили с досадой:
Ну, вот и сбылось — рассстались уже
Влюбленные с первого взгляда.

А мы нарушали искренний прогноз,
А мы оставались рядом.
С тобою мы будем до белых волос —
Влюбленные с первого взгляда.

ПЕРЕД ПРЫЖКОМ В КОСМОС

На орбиту спутника Земли вышел советский космический корабль. Он склонился отдаленно к гравитационной линии земной магнитной и всем необходимым оборудованием для полета человека. Но вместо пилота в корабль — груз, имитирующий вес человека.

Этот полет совершился в последние часы, когда один из последних этапов перед выходом человека в космос.

— Но когда же весы-человек отправятся в космос — метрополитены спрашивают читатели.

Мы понимаем нетерпение молодости: скоро от мечты перейти

в реальность — и вы увидите фотографии, рассказывающие о колоссальном количестве научных, технических, инженерных и врачебных космических мединицины и полету человека за пределы земной атмосферы. Согласно этим инструкциям, занимавшимся нами из двух новых научно-популярных фильмов, «Первый полет в космос» и «Научные фильмы»: «Перед полетом в Космос...» (сценарий В. Шишкова и В. Напомняновского, режиссер В. Моргенштерн, оператор Г. Ляхович) и «Земля — Луна» (сценарий Ю. Егоровина и С. Зенина, режиссер К. Домбровский, оператор Д. Гасюн).

1. Собака Лайка была первым космонавтом, первым живым существом, отправившимся за пределы земной атмосферы. На снимке изображены ее городчики. Они не раз уже поднимались на ракете и на забоченных высокими видами. Отправившись в космос, и всем своим видом выражают готовность к новым полетам.

2. На снимке вы видите обычную метеорологическую ракету, предназначенную для исследования атмосферы и атмосферы. Ее готовят к запуску.

3. Все чаще и чаще стартуют в космос ракеты. Разные ракеты, разных назначений. Одни из них возвращаются на Землю, другие, выполнив задачу, скоры, в плотных облаках, в которых превратично остаются в микропланетном пространстве. Третий кадр — ракеты, стартующие с космодромов.

4. Космическая ракета, направляясь в сторону Луны, выбрасывает на орбиту космический корабль, который была сфотографирована на Земле.

5. В сентябре 1959 года на Луну упал первый вестник с Земли — выпал с гербом Советского Союза. Но приземлиться себе, космический корабль должен на Луну первых людей. Они будут выглядеть примерно так, как на снимке. А дальше — их придется вылечить и легкие, так как они будут иметь шесть раз меньше, чем на Земле.

6. Вы понимаете, конечно, что люди на Луне — это пока фантазия. Но Фантазия не такая уж далекая. То, что вы видите на шестом кадре, ничего общего не

имеет с акробатом — это один из эпизодов подготовки и осуществления давнейшей мечты человечества — полета в космос. Пилоты выстреливают из катапульты. При этом организм человека в первый момент испытывает максимальную перегрузку.

Пилоты, которые вы видите на следующих кадрах, в центре которых — катализаторность — проходит к состоянию организма во время длительной перегрузки. Принцип работы этого прибора в том, что прибор вращается в семь раз. Восьмой кадр показывает схему полета на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле.

7—8. Прибор, который вы видите на этих кадрах, называется «Пилот». Он показывает полет на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле. Он показывает полет на космическом корабле.

9. А вот обратная картина: люди в состоянии самолета. Пилоты свободно плавают в пространстве, будто они занимаются акробатикой.

10. Баронесса идет опыт по разгерметизации. В станице на земле. Она испытывает нормальную температуру человеческого тела — около 37 градусов. А человек, как видите, испытывает себя в космосе. Его защищает специальный костюм.

11. Совсем недавно премиум-журнал «Земля» (художник, иллюстратор научно-фантастической статьи и рассказа) «Теперь я вижу космос» — научно-фантастическое изображение Земли, сделанное с большой высоты.

Подготовка и призывы в Космос не за горами. И время это не за горами.

«КОМЕДИЯ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ»

—Фрол Скобеев — добрый молодец, русский человек, удалой да развеселый. Он не боится ни толстого великого боярина, ни злой старухи, ни проклятий дьяла, что тащий городенкой тресец, в том погибает сглабывает, подслушивает и подсматривает. «Фролушки, никакой невесту увел, — молвил он, — и не вини матку, раскрасавицу Аннушину, боярина Нарды-Нащокина дочь». А как он ее взял? — спрашивали в «Комедии о Фроле Скобееве», которую поставили Московский драматический театр.

Это было нечто вроде спектакля. В нем состоялось сразу два действий: режиссер-дипломант ГИТИСа М. Буткевича и актеры, исполнительницы роли Аннушки, Саввы и Петрушки. Спектакль заняли молодые актеры А. Грачев и А. Демьяненко, Л. Перепелкина и Л. Красненкова.

На сцене были скоморохи. Скоморохи были созданы самими актерами. Их создал режиссер театра на Руси. Они умели все: и петь, писать, и куклы мастерить, и слезы расстрагивать. А самое главное, были всегда злодейственны и от времени своего не отставали.

Традиции импровизации, антульности, остроумия этих первых русских актеров были восприняты в дальнейшем Московского драматического театра.

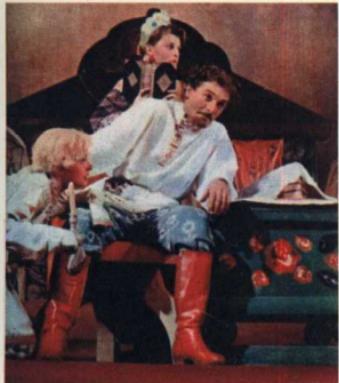
Молодой режиссер нашей оригинальной формы. Он идет от пубки, от наивности, от простонародья, от народного искусства. В этом плане он использует декорации, музыку и специально написанные интерmezzi, чтобы показать, какими были скоморохи Петруха, Фома, Филат и Ерема.

Московскому драматическому театру посвящена эта драматургия Хлебникова Д. В. Аверинова. Она не только доставит зрителю большую радость, но и доказать, что представления старой драматургии умрет, когда они находят интересную форму выражения, выявляют их жизнеутверждающий смысл, близкий современному человеку.

О. Радищева

Сцена из спектакля. Фрол Скобеев — артист Б. Виноградов, столыбик Нарды-Нащокин — народный артист УССР А. Грачев, старуха Аннушка — артистка Л. Хмелницкая, Нащокина — артистка М. Андрианова.

Фото М. Мурзова.

Лаврушка — артистка Л. Красненкова, Варюша — артистка Л. Перепелкина, Фрол Скобеев — артист Б. Виноградов.

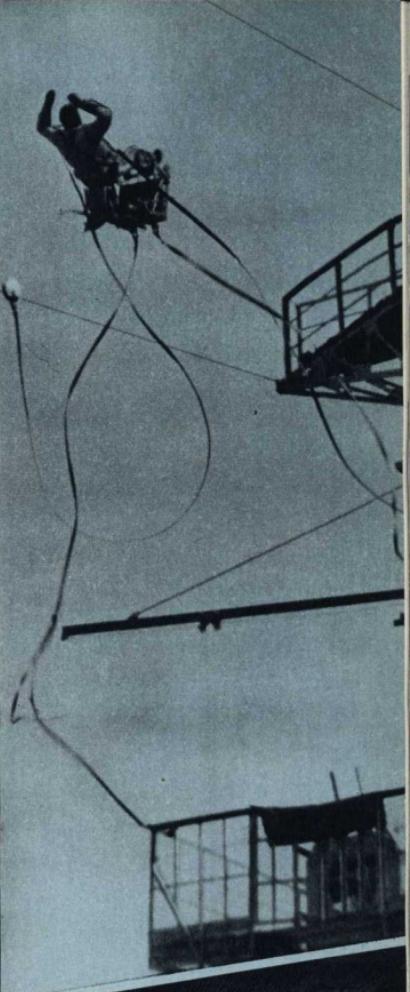
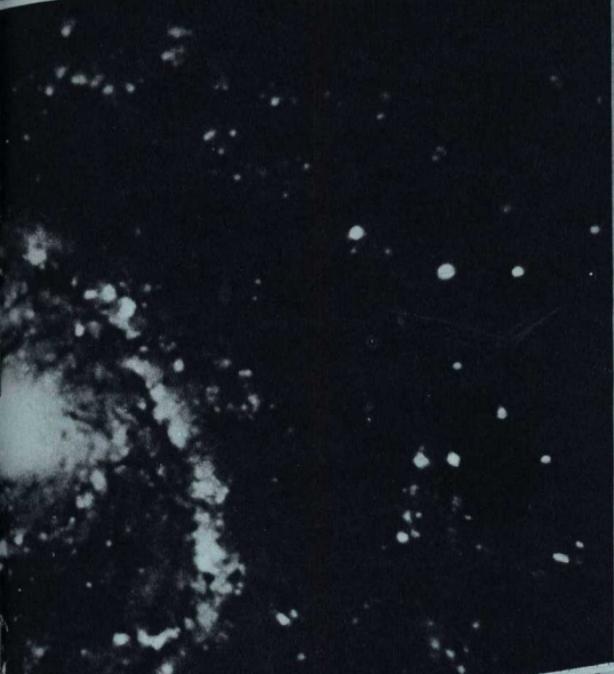
Савва Лычинов — артист А. Грачев.

Отец Саввы — артист А. Лебедев.

CM. CTP. 16

Фотоаппарат Г. Зельма.

Сережка приехал в отпуск поздно ночью. Зашел к Маше, но света в окнах уже не было. На следующее утро, после многочисленных рассказов и подробных рассказов с обеих сторон, Ольга Михайловна, наконец, сбрасывалась с духом:

— Сереженка, я очень хорошо отшлюсь к Маше. Но я могу. И, конечно, прежде за это время передумать. Мне много приходится за это время передумать, и я пришла к выводу: вы не можете быть вместе, я не должна допустить этого!

Сергей внимательно изглянулся на Ольгу Михайловну, не перебивая, выслушав ее. Потом, одевшись, пошел к выходу. И только в дверях обернулся:

— А Маша ты подумала?

Ольга Михайловна осталась одна. Она накапала себе валидола, прилегла на диван, снова засыпалась. Потом решила перебрать письма, которые он привез из Москвы, и вдруг наткнулась на старенькую зеленую папку с черными тесемками. В ней были письма. В письмах — жизнь. Жизнь и любовь ее сына Сережки...

1

Однажды два семнадцатилетних человека обнаружили, что они нужны друг другу.

— Мама! Разбуди меня завтра в половине восьмого.

Ольга Михайловна удивленно посмотрела на сына:

— Завтра же воскресенье! Куда это ты сорвался в такую рань?

Сергей, стараясь не глядеть матери в глаза, пробормотал:

— В поликлинику надо... — И, предвидя возражения, раздраженно добавил: — Ну, а нам работает в воскресенье. Понимаешь, работает!

Ольга Михайловна молча вышла на кухню. На разные голоса пели чайники, зли шипели друг на друга сковородки, лениво переговаривались соседки. А она, старательно вытирая уже давно сухие тарелки, думала о своей беде...

Семья состояла из умных, добрых, рабочих людей. Каждый в отдельности был неожиданным человеком. А вместе жить не умели. Сергей не ладил с отчимом. Бабушка терпеть не могла Николая Петровича за то, что он скорбит по винокуром. Тот плакал ей тем же. Мальчик, видя все это, грубы одно временно на бабе и отчиму. Мать металась между ними, стараясь наладить мир, а потом в отчаянии вымешала на ком-нибудь обиду.

Сын все реже и реже проводил время дома. На улице ему было интересней и спокойней: там его никто не ругал, не наставлял. Там у него был даже определенный авторитет — второго такого сорванца трудно было отыскать.

Мать без конца вызывали сначала в школу, потом в техникум, где с трех лет поползли начать учиться Сергей. Не было дня, чтобы не привезли разозленные соседи: то стекло сломало, то кого-то обругало, то устроил во дворе драку...

Потом из дома стали пропадать вещи. И это в те времена, когда на счету была каждая копейка, когда не хватало на самое необходимое! Сережка ходил в бабушкиных парусиновых туфлях, и новых не предвиделось. Но мальчишка этого не понимал и спокойно таскал вещи, сдавая их за грозди утилизации, чтобы иметь деньги на мороженое и кино. А завтра ему захочется еще что-нибудь, и он залезет в чужой карман...

«Я должна узнать, куда он идет», — решила Ольга Михайловна. — Что это здесь недавно...

Но узнать в тот день ничего не удалось. Лишь одно стало ясно: поликлиника закрыта.

Где же ты был? — стараясь не выдать тревогу, спросила Ольга Михайловна, когда сын, непринужденно тихий и радостный, наконец вернулся домой.

— В ГУМе...

Ольга Михайловна, бледнея, присела на диван: начались!

Она не ошиблась: действительно началось. Только совсем другое...

2

Сергей, как только пришел в техникум, сразу же обратил внимание на эту небольшую светловолосую девушку, очень тихую и очень скромную. Она не восторгалась, как многие, его проделками и не ругала его, как некоторые. Но когда она после очередной Сережкиной выходки, укоризненно смотрела на него своими большими серыми глазами, ему становилось не ease.

Маша хорошо учились. И Сережка, кряхтая, стал просиживать вечера над учебниками. Маша любила читать. И он начал бегать в районную библиотеку. Маша была страшной архивисткой. И Сережек адрут увидел, что у нее не стригены ногти и не отутюжены брови.

Однажды Ольга Михайловна, наблюдая, как сын, еще недавно такой нервный и расстроенный, целый час кружится у зеркала, словно невзначай, спросила:

— А тебе нравится кто-нибудь?

Сергей от неожиданности залился краской, а потом вдруг спокойно и просто сказал:

— Нравится. Она, мама, в своем вкусе: простая, трудолюбивая и очень хороший товарищ...

Так Ольга Михайловна услышала о Маше. Так она поняла, что сын становится взрослым.

Это была первая девушка, которую Сережка после долгих колебаний решился взять под руку, которую поцеловал однажды

неумело и робко где-то в неуютном осеннем нюхе, куда они всей группой приехали убивать уток. Это была первая девушка, которой он, бледнея от волнения, преподнес в день рождения подарок, купленный в ГУМе на первые заработанные в канун кулины рубли... рюмку, пластмассовую тарелку с видом Москвы и два носовых платка. На большее не хватило ни флантины, ни денег.

...Маша росла слабенькой и худенькой. Во время войны, как и все, недоделала. К ней однажды за другой липли болезни. И все — с осложнениями. И все глаза.

Прошли годы. Маша подросла, окрепла. Тогда глаза ее — прозрачны болели — один из которых не видел, второму тоже грозил слепота. Девушка ни от кого это не скрывала, тем более от Сережки. Впрочем, они об этом почти не говорили. И не потому, что избегали. Просто они были слишком молоды, чтобы думать о печальном.

Ольга Михайловна впервые увидела Машу, когда у них в доме собиралась молодежь проводить Сережку, окончившего техникум, в армию. По тому, как они молча смотрели друг на друга, по тому, как сын, прежде чем сесть в машину, не стесняясь, прятал Машу, она поняла, что Сережка влюблен.

С одной стороны, Ольга Михайловна была рада, что Сережек подобрал такую хорошую девушку. И в то же время ее сердце и на минуту не переставалоить от мысли, что он должен связать свою жизнь с человеком, который в любую минуту может ослепнуть. Сережек служил хорошо, аккуратно сообщал о себе матери.

«Пришло отделение из семи человек. Частенько забываются — какой парадокс! Я воспитатель! Но ты ухи, ведь я тоже проходила!»

Все время неосторожно мечтую по-настоящему заняться музыкой. Но народу с этим хочется иметь специальность техническую. Но-моиси, очень приятно работать и видеть, что ежесекундно ежесекундно там что-то произоходит — реальное, ощущимое...»

Ольга Михайловна радовалась успехам сына. Радовалась она и когда приходила Маша: из месяца в месяц в одном и том же бордовом, типично выlagenном пальтице — мягкая, спокойная, застенчивая. С удовольствием ходила с ней в кино или просто гулять по Москве. Но где-то в глубине души у нее зрела мысль: не позволить Сережке искалечить себе жизнь.

3

А он только и жил от одной Машиной встречи до другой. Письма были сдержаные, даже немного суховатые: «Здравствуй, Сережка!..», «Пиши. Крепко жму руку!..». Но как он видел за каждой, чуть дрогнувшей строкой, написанной аккуратным, ученическим почерком, Машу, то оживленную,

Джон ЛОНДОН (1905 г.).
Снимок публикуется впервые.

Аспирант Московского университета В. Быков в течение нескольких месяцев находился в США, где собирал материалы для своей диссертации о творчестве Джона Лондона. В. Быков встречался с людьми, близко знавшими замечательного американского писателя. Многие из них рассказали ему о жизни и творчестве Джона Лондона — работах писателя, неизвестных советскому читателю. В настоящем времени В. Быков закончил книгу о творчестве Джона Лондона. Ниже приводится в сокращенном виде первая глава из книги. Вниманию читателей предлагается книга, интересная и увлекательная, подготовленная Джоном Лондоном.

Очерк «Через странники и Книголюбов» был бы прекрасным романом. Помимо начальной первой главы из книги В. Быкова. В своем очерке Джон Лондон описал один из эпизодов путешествия на Алису, предпринятого в 1897 году. Вместе с тысячами смельчаков из Европы и Америки он пересек Атлантический океан. Среди молодого Лондона добить счастья и существования не увенчалась успехом: летом следующего года больной и без гроша в кармане он вернулся домой. Официальная причина — болезнь, но реальная — значительный долг перед друзьями. Вместе с тем, он не знал, что это означает для него как писателя, да и у него огромный запас впечатлений о суровых землях Крайнего Севера, о мистических людях, вступающих в борьбу со стихиями и ее последствиями. По свидетельству Гарольда Уильямса, забывчивого автора, один из его очерков был напечатан в 1899 году в журнале «Хоум Мэгзин».

Рассказ Лондона, который мы помещаем, отнесен к числу редких памятников литературы. Он напечатан в 1910 году в журнале «Смэр Сэт», он написан, несомненно, значительным раньше, в годы, когда Лондон еще только оттачивал свое мастерство, искал темы, жанр.

Вот эти же номера «Смэр Сэт» принадлежат два письма Джона Лондона. Кунину сказать, что переписка автора прославленного «Мартин Идена» мало известна в нашей стране. Из сего его письма передаю вам фрагмент, в котором Лондон пишет о своем письме к Альфреду Аспекстоку, исполнителю наследия Джона Лондона до сих пор не издано.

Первое из помещенных писем адресовано Анне Струинской, близкому другу Джона Лондона. В нем он пишет о своих первых романах — было социалистическое и немило сделанное для русского революционного движения. Она встречалась с Львом Толстым, Максимом Горьким, приезжала в Россию в 1901 году. В одном из своих писем она цитирует Джона Лондона, познакомившись с А. Струинской в конце 90-х годов. Это знакомство многого помогло писателю лучше узнать Россию.

Анна Струинская встречалась обычного много споров. Предметом споров являлись самые различные вопросы. Одни из них, философии людей, став основным содержанием написанной ими совместно книги «Путь к Книголюбии» и даже гравюры на камне А. Струинская, а «Усюсон». Этот роман и письма в свою время были переведены на русский язык и включены в полное собрание сочинений Анны Струинской.

Джон Лондон миф с семьей в Окленде, а Струинская — в Сан-Франциско. Воссмилетний залож разделял эти две города. Книга состоялась из писем, которые слагали друг друга в течение четырех лет. Каждое письмо было предварено надежными для книги, сопровождавшимися записками, в которых авторы развивали ее дальнейший план, критиковали друг друга. Публикующая записка приводится в книге «Книголюбия» Книги о первом романе В. Быкова Анной Струинской в Нью-Йорке ее в личном собрании.

Второе письмо датируется 26 апреля 1910 года и адресовано Лондоном читателю Анн Лилиан Коллинз в ответ на ее критику романа «Мартин Иден».

ЗНАКОМСТВО С ПРО

В 1876 году, когда Сан-Франциско отмечало свое столетие, у Флоры Ульянин, одной из жительниц города, родился сын.

Основанный испанскими колонистами, город по-настоящему начал расти с середины прошлого века, после того, как Соединенные Штаты отобралы у Мексики Верхнюю Калифорнию и нашли там золото. За каких-нибудь четверть века население города увеличилось почти в пять раз и состояло из людей самых различных национальностей.

Сан-Франциско начал свое интенсивное развитие как центр золотоносных районов. Когда же золотые запасы калифорнийских земель были исчерпаны (произошло это быстро), в городе стали расти промышленность и торговля. «Фризик» превратился в порт, рабочий которого по удобству естественной гавани, покажут, не ссыпаясь в море. Сюда заходили океанские корабли, по уложкам борта отчалив моряки, а в многочисленных салунах морские люди прожигали заработанные за долгие и рискованные плавания деньги.

Широкая базарная улица — Маркет-стрит — делила город пополам. К северу от нее располагались здания банков, компаний, роскошные магазины и дома богачей; к югу — квартали бедняков, фабрики и заводы. Здесь в немытом домике и жила Флора Ульянин.

В 1876 году Флора было около тридцати лет. Это была изящная, но крепкая женщина с некоторыми причудами. Двадцать пять лет она ушла от родителей из штата Огайо и с тех пор переезжала из города в город, зарабатывая себе на жизнь уроками музыки. Она увлекалась спиритуализмом и, хотя претендовала на практический взгляд на вещи, была странной и бесконтактной.

Она вышла замуж, родившая

12 января в Флориде, Чарли, профессор Чарни, мы называем его за своего сына. Чарни, астролог по специальности, былдважды старше Флоры. Он отмечался незаурядными способностями. Среди коллег-алстроголов Чарни считался выдающимся.

Трудно с достоверностью назвать истинные причины, побудившие профессора Чарни отрешился от сына, но решение его не смогло поколебать даже покушение Флоры на самоубийство и большую склонность к алкоголю. У нее был связь с чертностью и жестокостью Чарни по отношению к жене и ребенку. Следует отметить, что мальчик назван был не Джеком, а Джоном, имя Джек он выбрал себе позже.

Через несколько месяцев после рождения сына Флора вышла замуж за вдовца с двумя детьми — сорокапятилетнего Джона Лондона. Так ее малютка обрел отца и Филиппию, которую четверть века спустя он прославил на весь мир.

Ветеран гражданской войны,

добродушный по натуре человек, Джон Лондон заботился о своей семье. К сожалению, Флора на работе работал плотником, а вообще перепробовала много профессий. Являясь типичным американцем, зараженным буржуазными идеями о возможности мгновенного обогащения, Джон Лондон тщетно искал способа, который помог бы ему создать обеспеченную жизнь для своей семьи.

С ним в новую семью пришли и две дочери. Старшая, восемнадцати лет Элизабет, нянчила мальчика. Вскоре семья перебралась за черту города, где Джон Лондон был занят работами магнатов Джимми Прентис, ставшей ему женой, а впоследствии другой юной лет.

Местожительство семья меняла часто.

Когда Джону Лондону везло, семье жилось лучше, но это было не часто. Некоторое время семья обитала в Окленде, маленьком городе на берегу залива на против Сан-Франциско.

Трудоустройство Джона Лондона было связано с работами о семье Флоры же интересовало другое: увеличенная спиритуализмом, она разыгрывала перед маленьким Джеком в популярные комедии сенсации магии, которые сказались потом на нервном состоянии мальчика. Биограф Лондона Ирвинг Стоун приводит интересный эпизод, раскрывающий характеры родителей Лондона. Когда однажды Элизабет и маленький Джек тяжело заболели, отец, Джон Лондон, мертвый от горя, сидел в кресле и сиделки с Флорой волновал вопрос о том, можно ли положить обоих детей в один гробик: ведь тогда будет меньше расходов на похороны.

Все заботы по дому были возложены на плечи Элизабет. Матери до сиделки, и Элизабет приходилось лежать Джека с собой в школе. Добрый учитель, узнав что девочка не могла оставить брата, приспособил для него маленькую скамейку, на которой клал книжки с картинками. Там проводил четырехлетний Джек значительную часть дня.

В Окленде Джон Лондон открыл бакалейную лавку. Но вскоре он превратился в фермера, арендовав для этого кусок земли возле города, на прилегающем остррове Аламеде. Здесь кудрявый сибиряк Джек впервые начал ходить в школу.

Дела отца шли плохо. Оставаясь фактически на изнанке жизни общества, слуги его зароботки не обеспечивали семьи. Дома детям не всегда хватало досыта. Джек привыкал к вспомогательным, что однажды, когда ему было семь лет, он был так голода, что в школе открыл корзинку одной девочки и укралкусок мяса, малярин, величиной в два детских пальца, и съел его.

Когда Джеку исполнилось одиннадцать лет, на его плечи легли материальные заботы о семье. Он сделался разночинчиком газет.

ДЖЕКОМ ЛОНДОНОМ ДОЛЖАЕТСЯ =

«Каждый цент отдавал семье», — писал Лондон об этом времени, — «и, отправляясь в школу, каждый раз стыдился своей шапки, башмаков, платья... С этих пор у меня не было детства. С трех часов утра на ногах, чтобы разносить газеты. Продав газеты, я шел не домой, а в школу. После школы — вечерние газеты. По субботам я работал при фургонах, развозивших лед, во воскресенье — отправлялся к кегельбан и расставлял кегли для плавания голландцев... Я отдавал каждый цент и одет был, как чучело.

В поисках заработка для семьи мальчик не отказывался ни от какой работы.

В эти нелегкие годы Джек пристрастился к чтению. С увлечением читает он волшебные новеллы американского писателя Уинстона Ирвинга, собранные в его книге «Альгамбра».

Образование, начавшийся, нервный от постоянного недоведения, мальчик читает все, что находит в Оксфордской публичной библиотеке.

Особенно увлекают его книжки о приключениях.

Позже Лондон вспоминает, как однажды посоревнуясь с учительницей пения и директором приказали ему в наказание каждое утро писать сочинения. В это время, решил Лондон, и он приобрел привычку систематической писательской работы.

Мальчика неудержимо влекли похождения, игры-путешествия со сверстниками, но особенно его тянуло к морю. Оно казалось ему воротами в красочный, полны необыкновенных приключений мир, описаный в прочитанных книгах и так неподобный на окраине его убогой жизни. И вот свою будущую судьбу проводят Джек на берегу, по центру колонии денег, чтобы купить старую, дрягую подюку и, вообразив себя прославленным морским волком, вкусы прелест самостийного плавания.

Джек находит дополнительную работу, скапливает целые десяти долларов и, купив наконец парусную лодку, отваживается выплыть из оклендского рувера в залежи.

Но вот в семью приходит горе. Сбитый поездом, отец серьезно контужен и не может работать.

Семья едва сворачивает концы с концами. Джек оставляет школу и поступает на консервный завод. Рабочий день продолжался от десяти до двадцати часов. Ложился Джек после полуночи, а в половине шестого матер уже будила мальчика на работу.

Джеку было пятнадцать лет, когда он познакомился с устричным пирогом. Это было первым образом молодости, перни, обирающим устрицы в заповедных рыбачьих местах и продававшим их затем на базарах и в салунах побережья. Устрицы были деликатесом, за который хорошо платили. За одну ночь на этом промысле можно было заработать не меньше, чем за месяц адского труда на консервном заводе. Правда, дело было связано с риском, но разве опасность остановит отважного подростка?

Темной ночью юноша бесцеремонно ходил на промысел в заповедные воды, управляясь твердой рукой пятнадцатилетнего Джека, а к рассвету с добьей возвращалась назад.

Пиратство помогало быстро расплатиться с долгами, даже появившиеся лишние деньги, которые, чтобы поддержать свой «пиратский престиж», Джек стал вымогать у своих друзей. Он отыскал в каждом из них успех какой-либо операции со своими новыми друзьями. Однажды, напившись до потери сознания, он едва не утонул, вывалившись из лодки в воду. Он был спасен случайно, находившимся на него рыбаком-греком. С этих пор Джек стал питаться отвращением к алогофу.

Скоро мир устричных пиратов, воров и пьяниц, с которыми Джека связывала захватывающая в жизни Си-Франциско, устремился в Сан-Франциско. Утром реки Сакраменто, начал претить ему, и он покрылся с ним. Увлечение книгами снова охватывает Джека.

Узкий пролив Голден-гейт (Золотые ворота), открывший выход из залива, неудержимо манил Джека Лондона в широкие водные просторы, в неведомые страны, лежавшие по ту сторону океана — Японию, Китай, Индию, на далекий остров Тихого океана — Корею. Ему не только читал, но и слышал от моряков в салунах Сан-Франциско и Окленда. Ею маняще уже привлекала наигранная романтика некоторых книг.

И вот сменившимися Джек поступает матросом на трехмачтовую шхуну «Софии Сзерлэнд», отправляющуюся к японским и русским берегам за китовыми шкурами. Пресноводный моряк Джек попал в компанию опытных матросов, ушел длительное плавание.

Новое испытание кончилось успешно. Джек выходил на вахту первым и уходил последним, справляясь со всякой работой. Рейс судна был удачным, он проплыл недалеко от берегов Сибири и, заключив охоту, спустя семь месяцев вновь бросился якорь в Сан-Франциско.

Джек привез неожиданный груз (их едва хватило на уплату семейных долгов), но главное, он привез забытые им в море сокровища, которые оказались не так романтически красивы, как в некоторых приключенческих романах, но зато вдохнули юношу свежей сурговой красотой, необыкновенным простором, своим грозными капризами и одухотворенностью.

Во время плавания Джек прочел «Анну Каренину» и «Мадам Бовари», познакомившись, таким образом, с реалистическими романами, посвященными большими человеческими страсти и семейным драмам. Может быть, на борту «Софии Сзерлэнд», окруженный бескрайними окаванками просторами, Джек впервые глубоко задумался над жизнью, понял, что люди не являются самоцелью, что существует возвышенная жизнь души, сердца.

А для Америки наступили черные дни кризиса (1893 год). Вокруг Джека, как и во всем юношеском мире, царила паника, полный энергии, силы и надежды. Джек тщетно бродил по Окленду в поисках работы, пока не нашел наконец место на джутовой фабрике, где ему платили по десять центов в час, ровно столько же, сколько мальчишка. Джек зарабатывал на консервном заводе, но теперь он был взрослым и условия труда были значительно лучше. Приходилось стоять грохоча, машины издавали жаркий, пронизывающий пыхъ воздух, от которого кашель сокрясал легкие. С фабрики Джек шел в салун, где встречался со старыми друзьями. Ею маняще уже привлекала наигранная романтика некоторых книг.

ПУБЛИКАЦИЯ
«МЕНЫ»

Ведь настоящая жизнь вокруг была такой безрадостной, нищей и голодной...

Семья опять задолжала. Жившая в мире утопических проектов, мать предложила Джеку попытать счастья в конкурсе на лучший очерк, устраиваемый газетой «Сан-Франциско Таймс».

Семья опять задолжала. Жившая в мире утопических проектов, мать предложила Джеку попытать счастья в конкурсе на лучший очерк, устраиваемый газетой «Сан-Франциско Таймс».

А почему бы не рассказать о том, что он видел в Японии или на море? О тайфуне, налетевшем на «Софии Сзерлэнд» у берегов Японии, о том, как боролась команда...

Джек писал: «сю ночь. Работа его увлекла. Две ночи он жил воспоминаниями о плавании, оживляя одну картину за другую. На третью ночь он скраинял все на половину — до размеров, определенных условием конкурса. Потом было время напечатать Лондона и отослано в редакцию. К величию удивления Лондона к радости всей семьи, очерк получил первый приз и был напечатан в газете под заглавием «Тайфун у берегов Японии». Это был реалистический рассказ о тяжелых буднях морской жизни, о грозном могуществе и многогранной красоте морской стихии.

Джеку прислали чек на двадцать пять долларов. На десять долларов он купил себе костюм взамен вонючего изношенного старого вымысла. Часы. Впрочем, через час два дня вновь пошли в заклад.

Успешек окрыл юношу. Он сам действовал в его деревне. Самоучка, рабочий парень одержал победу на литературном поэтическом конкурсе! Он сумел обойти студентов Станфордского и Калифорнийского университетов, получивших второе и третье места. Джек Лондон купил газет с очерком сына и с гордостью раздавал их знакомым.

Джеку вспомнился итальянский мальчик Синьи, сумевший стать великим писателем. Синьи непременно станет знаменитым писателем. Он вновь засел за работу, но новые его рукописи были отвергнуты. Пройдет еще пять лет, прежде чем появится первый рассказ, который откроет ему дорогу к славе.

В. БЫКОВ

Дом Джека Лондона в Лунной долине.

Лунная долина.

Джек ЛОНДОН

Нам было некогда. Всем было некогда. Во время золотой лихорадки всем некогда некогда. Во время Клондайкской золотой лихорадки 97-го года всем было еще больше некогда, чем всегда. Надвигался октябрь, земля покрылась снегом, реки замерли в любую минуту стати, а Дуглас был далеко — в нескольких сотнях миль на север.

Никогда еще в истории Северной Страны никто не пускался в такое отчаянное предпринимательство, как наше. Никогда еще в Северную Страну не проникали такие отчаянные безумцы, как мы. Ветеринар Клондайк — те самые, которые своим рассказами и тутими мешочками арктического золота вызвали волну энтузиазма, охватившую страну... смеялись, когда узнали, что магнитерны осенью ташатся со своим скаком через перевалы, а затем рекой плывут к Аудисону. А мы — в таком положении, и, кроме уединения мертвым жертвой, прибывали в поисках в самый разгар снежных бурь и ледяных затворов, в количестве нескольких тысяч человек. Старожилы имели довольно точное представление об ужасах зимнего пути, и поэтому им и в голову не приходило, чтобы кто-нибудь в такое время года пустился в дорогу да еще благополучно добралась бы до места.

Дошли, разумеется, не все: кто погиб в дороге, кто имел в реку, кто — а таких были тысячи — выбыл из сна еще на перевалах и потерпел веру в себя, возвращался домой. Наша группа оказалась счастливой. Все понимали необходимость, раз начавши дело, довести его до конца — кстати, займись и я делом, то есть рассказом о том, как мы преодолевали Бокс Каньон и пороги Белой Лошади.

Места эти заслуживали почтения, даже таким заслуженным, как золотоискатель У. Бурс, один из лидеров Аудисона, которого мы внимательнейшим образом изучали на протяжении всего нашего пути. Приведу для примера небольшой отрывок из нее:

«Кискусный мореход может проплыть лодку через этот каньон и приналичить к правому берегу. Но тому, кто не слыхал в судовождении, рекомендуется проплыть лодку волоком. Дальше две мили надо проплыть, придерживаясь правого берега, после чего начинаются пороги Белой Лошади. Чуть повыше этих порогов имеется причал, но подходит к нему следует с величайшей осторожностью. Если к тому времени, как вы туда прибудете, река окажется не очень половиной, спустите лодку на канате, если же много воды, лучше прибегнуть к волоку».

Река Шестидесятимильная, которая, собственно, является верховым Юкона, вытекает из озера Марин и имеет от одной восьмой до одной четверти миль в ширину. Она глубока и стремительна, а следовательно, и многоводна. В одном месте она внезапно сужается до ста ярдов, заворачивает, образуя в краине небольшой изгиб, где можно проплыть с берега, потому что сюда не могут скользить берега, отстоещие друг от друга на расстоянии восемидесяти футов. Вся эта огромная масса воды, залязгая между скользкими стенами, обладает страшной скоростью, кипит и бурлит, вздымаая высокие крутые волны. От давления ли, оказываемого на воду скользкими берегами, или от других каких причин, в центре стремнины образуется возвышение, род хребта, от шести до двадцати футов высоты. Его называют «гребешком».

Весь каньон тянется милю. Примерно на полупути его раздаются, образуя подобие

огромного цилиндрического зала, в который вихрем врывается вода. Рассказывают, что в начале века, когда вода в реке была чистой, у них была крепкая лодочка, и они сумели пытались выбраться из водоворота; когда же убеждались в беспредельности этого предприятия, они отдались на волю рока и только вычерпывали воду по очереди — одни молятся, другие черпают. Так их крутило часа четыре, когда вдруг вдруг, по странной прихоти воды, их вынесло дальше, в каньон, и они выбрались без какого бы то ни было ущерба своему здоровью — если не считать нервов.

Мы... — я и мои три товарища, — достигли миленского омута над Боксом, привязали «Красницу Юкона» — так называлась наша лодка — и отплыли на разведку. Сотни путников тащили свое ходячее имущество. Последовать их примеру сомневалась бы потрясающая и изнурительнейшая работа, а если бы мы отложились преодолеть пороги, это заняло бы у нас две минуты. Следуя принятому между нами обычаям, мы поставили вопрос на голосование и единогласно избрали второй способ.

Закрепив кормовое весло так, чтобы оно ни при каких условиях не могло выскочить, я принялся рассаживать команду: капитаном здесь был я. Меррит Слоупер, только что вернувшийся из насыщенного приключением путешествия по Южной Америке и кое-что сменивший в управлении лодкой, сел на нас, с легким коротким вслом-гребком. Томпсон и Гудман, для типичных «сухопутных моряков», которые никогда прежде не занимались греблей, были посланы в рядок на весла — каждого по веслу. Чтобы читателею до конца была ясна картина, добавлю, что лодка имела двадцать семь футов в длину и несла пять тысяч футов, не считая живого груза. Такая первогрузка лишила ее необходимой маневренности.

Держитесь гребешка! — напутствовали нас с берега.

Мы отбыли.

Вода, несмотря на бурное течение, казалась гладкой и маслянистой. Зато, как только мы попали в пасть каньона, это была уже не вода, а Хаос, спущенный с цепи! Опасаясь, как бы наши гребцы не потеряли весла или не совершили еще какой-нибудь другой роковой ошибки, я приказал им убрать весла.

И тут начались! На мне мелькали фигуры зрителей, стоявших по берегам, затем мимо, как два близнец-экспрессы, промчались скальные стены; теперь нужно было всю энергию сосредоточить на том, чтобы удержаться на гребешке. Он был весь в зазубринах и неровностях, и каждое движение, каждое движение лодки не могло подчиниться и коротко ей все время приходилось разрезать носом. Несколько раз на опасность, я не мог без улыбки глядеть, как изворачивается Слоупер, сидя на носу и бешено работая веслом. Только он нацелялся сделать мощный гребок, как корум затягивал в «зму», нос взмыпал под самое небеса, и Слоупер даже не касался веслом поверхности воды. А то иоборот: махнет веслом, а нос ныряет в воду, вместе со Слоупером, который, кстати, едва не остался там — ведь в нем не было и ста футов. Впрочем, он ни на миг не терял присутствия духа и выдержки. Однажды он повернулся к нам закричал что-то из всех сил, но крик его потонул в сплошном гуле. А в следующем мгновении мы скоскали с гребешка. Со всех сторон лодку стала захлестывать вода, и поспешное течение грохнуло погруженную ее носом в скрепы. Это означало, что весь лодка, я налетел всем телом на кормовое весло, так что оно затекло. У Слоупера весло поломалось начисто.

Мы насквозь пронзены стрелами вин, и все это время рассстояние между нами и стеной было не больше двух ярдов. Несколько раз нам уже казалось, что мы погибли, и вдруг, как-то боком, нам слова удалось оседлать гребешок и нырнуть в гигантскую волу, которая нас внесла в огромный цилиндрический «зм».

Я дал приказ сюда опустить весла и вырывать ним лодку, а сам между тем следил за течением. И вот не успел я перевести дух, как

мы очутились во второй половине каньона. Тут нас швыряло слева направо и справа налево по гребешку, но все это было лишь повторением того, что мы испытывали вначале. Через минуту «Форд» мы выскочили из каньона, и машина, бодро, каким-то дамкой в воду мчалась прошлым по часам, ровно за две минуты.

Потом мы со Слоупером вернулись назад по суне и тем же способом провели лодку приятеля.

Это было не совсем просто, потому что его лодка была всего двадцати двух футов длиной и относительная ее нагрузка была еще больше, чем у нашей. Затем мы вычерпали воду из лодок и прошли две мили «обмыкновенных» порогами до начала порогов Белой Лошади. Время от времени нам попадались остатки крушений, которые стояли жизнью не одно белый днушек.

Пороги Белой Лошади были еще опаснее, чем Бокс-Каньон. Их звук уже много лет никто не спускал, если не считать утопленников. Здесь было приятно перекинуться волоком все, плюнуть до самых лодок, которые перекатывали по стволам елей. Но нам было некогда, к тому же мы теперь твердо уверовали в свое счастье. Так что мы не сидели с лодок ни единого фунта.

В этих стремянках особенно опасен последний отрезок, именуемый «Лошадиной Гривой», так как там постоянно пенятся крутые волны,

в этом месте гряда подводных скал загораживает примерно три четверти ручья, прижимая воду к правому берегу, затем идет обрывы и воду сбрасывает влево, где она создает водоворот, который ведет в Бокс-Каньон.

Когда мы достигли Гринни, «Красавица Юкона» запрыгала, позабыв о грузе, почтительно отрываясь от воды, а между прыжками погружаясь в нее целиком. Как это могло случиться, для меня по сей день остается загадкой, но только я вдруг потерял управление. Поперечный поплавок подхватил корму, и лодка стала боком. Оказывается, мы скосились в водоворот, но в ту минуту я этого не понял. Слоупер подолом всплыл и еще раз с головой окунулся в воду.

Но следует забывать, что мы наслаждаемся склонностью лодок к водоворотам, и неизменно занятое временем, чем рассказал о них. Лодку стало звать водой и, казалось, вот-вот накроет совсем. «Красавица Юкона» неслась прямо на левый берег и, несмотря на то, что я налег на рулевое весло так, что оно опять затрещало, я не мог повернуть лодку. С берега нас пытались фотографировать, но никто не мог предвидеть зарванную скорость, с какой мы понесемся, и ни у кого ничего не получилось, так что снимки зафиксировали лишь ярость водной стихии да брызги, летящие во все стороны.

Мы были в грозной блескоти на берега, а

лодка по-прежнему неслась, закусив удила. Все это в таком бешеном темпе, что я только сейчас осознал, что веду пятнадцатую борьбу с водоворотом. Когда же я это понял, я тотчас переместился на другую сторону и налет на кормовое весло. Лодка поддалась и, следуя течению водоворота, помчалась вперед. Но к этому времени мы подошли почти совсем вплотную к берегу, так что Слоупер пришлось вскочить на склон. Впрочем, тут же обрадовались, что мы на один-два дюйма промахнулись, он беспощадно спрыгнул обратно в лодку, как на кошмаре.

Хотя мы сейчас неслись в безумном вихре водоворота, все же можно было уже вздохнуть спокойно. Задыхаясь крот, мы сняли были откупы на Гринни, пересекли ее втроем и вдруг очутились внизу, в безобидном маленьком омуте...

...К концу года из-за вспышки цинги я был вынужден покинуть свою хижину; я начал делать записи только на обратном пути, все 1900 миль которого я прошла в открытой лодке. В Клондайке я нашел себя. Там не разговаривали. Там думают. Там начинешь понимать жизнь. Там я ее и понял.

Перевод с английского
Т. АЙТИНОВА

Рисунки В. Пивоварова.

НАСТОЯЩАЯ ДЕВОЧКА

Рассказ

Джек ЛОНДОН

У Ральфа Эйнсли «девочка» было излюбленным ласковым словечком, и, к сожалению, оно им подразумевалось с глубокой умеренностью. Правда, спикер поистине этого почтенного титула, начиная с маленькой дамы середины школьных лет и кончая Мод, была довольно длинный, — и, да ведь известно: юное сердце вечно ищет. Так уж заведено в природе, и не такой уж плохой порядок!

Когда же сладкое безумие любви к Мод охватило его всего, слово это обрело совершенно новый смысл, и он был уверен, что уже больше никого ему не суждено будет так называть. Мод, со своей стороны, окрестила его «мальчиком». Как гармонировали эти два слова друг с другом: мальчик и девочка! И вот они поженились.

Эйнсли лепроподобно хранил свой сухарик и сморя на голубоглазую Мод, созиданно восседавшую за столом напротив него; он глядел на

Мод, но луковным оком видел лицо другой, совсем нехоже на нее женщины — темноглазой и мятожной. В той, другой, не было и следа супружеской степенности, этой спокойной и властной силы; нет, там были скорее капризы, вечно сменявшиеся желания, резкие манеры повелительницы, неожиданные порывы; сердце, в котором преданность равнялась нуде, а нежности — океану. О, он знал ее хорошо!

Должно быть, его теперешнее настроение передалось Мод, и может быть, что было воздействие столь аутистического состояния за все последние времена, — как бы то ни было. Мод чувствовала себя очень одинокой. Непонятная тоска овладела ею, какое-то чувство отчужденности, словно узы, так крепко некогда связавшие их, вдруг ослабли. Она допускала, что жаркие поцелуи первых дней со временем уступят место более спокойным изъяснениям более ровного чувства, но что они когда-ни-

будь выродятся в чисто механические действия, в тупое исполнение долга, — этого она не ожидала. Не было у той еле уловимой атмосферы сосредоточенной нежности, отсутствие которой всякая женщина так безошибочно угадывает.

Может, что случилось? — спросил он, опомнившись и только теперь заметив, что занят в их пронзительном сражении не так, как следовало. — В чем дело, Мод? — повторил он. — Что-нибудь случилось?

Ответ был типично женский в своей неподсудимательности.

— Ральф, — сказала она, — ты совсем перестал называть меня девочкой.

— Ты сама меня уже целую вечность не называла мальчиком, — возразил он.

Он не оценил румяна лица обиды, который залыпал ее щеки, так же как и не залыпал щек гигантских усатых генералов — с тех пор, как она заметила, что он больше не называет ее своей девочкой. Слушая его примеру, отказалась от употребления ласкового прозвища. Ибо в типе женского сердца разыгрывается половина всех трагедий на свете — глаупий род мужской не ведает этих трагедий, ему их не понять никогда.

Взор ее затуманился, но она промолчала. Эйнсли встал и подошел к кейсу.

— Ах, Ральф, я не знаю, в чем дело, но все не так, все!

И разрывалась у него на плаче. Запах ее волос был, как ласка, и тем не менее он не вспоминал тех саловых воспоминаний, которых казалось, должен был вызвать: Эйнсли успокаивающе похлопывал ее по плечу, а сам хрюкался.

— Я так старалась все это время быть хорошей женой, достойной... моего Ральфа! — Тут она отважно подняла голову и заглянула ему прямо в глаза. — Но все как-то не то у нас! Что-то случилось, какая-то стена встала между нами. Когда мы только поженились, я представляла себе все иначе, а теперь... я не знаю, я... ничего не понимаю!

— Ну, ну. Успокойся, — бормотал он, и на лице его было написано фальшивое и поверхностьное мужское добродушие. Уже не захвачено мое признание? Верно, аккордант неожиданно вам простируется, а? Вот что, забудь-ка я к доктору Дарреллу по дороге в контору, пусть посмотрят тебя.

А может быть, — прибавил он с глубокомысленной миной, царапая ее в дверях, — может, тебе нужно освежиться, перенести обстановку, знаешь ли? Что, если тебе съездить на неделю-другую к маме, а?

Она только покачала головой в ответ.

«Вот мы и вступили в полусынене», — бормотал он себе под нос, вскакивая в конку.

«Сегодня первая, завтра вторая, и они будут все возрастать и в количественном и в качественном отношении, так что в конце концов даже у мужчины никакой выдержки не хватит. Лучше покончить со всем этим разом, а то это будет тяжелее. Пожалуй, напишу Берте сегодня же и тут же уляжу».

С этим похвальным решением он уселился за письменный стол и вверил себя эпистолярной музе. Властный телефонный звонок прервал его. Речь шла об одной выгодной сделке, и Амуря, и Эйзис поспешили на свидание к директорам проектируемого нового общества.

«Большака! Мол! Чем она виновата? — подумала она, запинаясь неожиданное появление в ящик стола. — Главное, ведь ничего серьезного, так, пред в лестную ночь да мой животный Амур. А все эта Берта!»

В лифте, на полпути, она совсем было решила

покончить с этой историей, вернуться к себе и уничтожить начатое письмо; но когда он спустился вниз, где Бизнес вновь вытиеснил Амуря, и Эйзис поспешила на свидание к директорам проектируемого нового общества.

К тем часам бухгалтер стал уже недоумевать, куда это запорога стала Раиф Эйзис. А в половине четвертого миссис Эйзис пропала мимо него в кабинет мужа. Следы воспитательному дамскому было ясно, она все продумала и пришла к заключению, что в конце концов ее муж не заслуживает, чтобы ему ничего, собственно, не произошло, а если и произошло, то только благородии ее большому воображению. И вот она решала прятки сквозь свою вину перед несправедливо обиженным мужем и попросить у него прощения. Она тихонько приоткрыла дверь в его каби-

нет; неустроенной комнаты охватила ее на мгновение, но она решала ждать.

Мисси обратились к баженной поре начала их совместной жизни, когда она так часто забегала к нему в кабинет после обеда и когда он называл ее «бесенком» и жаловался, что она не дает человеку работать, а сама пряталась у себя в столове леденцы и шоколадки, дабы «бесенок» поскорее совершила следующий свой налет. С чувством нежно-сентиментального, какому привыкала, она села на кровать, покрытую кружевом, и покосилась на изящные обрамления: «Дорогая девочка!». Она поспешно взглянула на правый угол, а там, что это скорее всего какое-нибудь его старое письмо из киевской, и была приятно удивлена, когда увидела число. На радостях она не заметила надписанный конверт, который лежал под письмом, наполовину скрытым им, и приступила читать послание:

«Дорогая девочка!

Я начиняю думать, что мы немного перестали понимать друг друга в последнее время. Я знаю, что подчас кажусь тебе холмским, тогда как на самом деле меня попросту одолевают всевозможные заботы. У меня были неудачи, и все это время не было самим собой, но я непременно загляну свою вину. Я расскажу тебе все.

Поверь мне, девочка, что тебе одной принадлежит любовь моего сердца. Я сейчас стараюсь, чтобы уладить свои дела, чтобы нам с тобой...

Ну, конечно же, речь виной его ауральный бизнес — восклинула Мода, и затуманившись ее взор засверкал счастьем. — Вот и письмо-то он не успел дописать все из-за того же бизнеса, верно. Но все равно, это письмо мне! И он называет меня девочкой!

В ту самую минуту, как Раиф Эйзис входил в свой кабинет, она нежно прижалась его нащупавшим пальцами к губам.

— Мальчик! — закричала она, подбежав к нему и обхватив его широкими руками. — Мой милый, хороший! А я твои счастье так глуши, так глоупо, правда? Ты так сзабочен делами, и никогда не подумашь! Молчи... — возразила она в ответ на невольно вырывавшийся у него жест протеста. — Я знаю, что это так, мой мальчик, и что ты была скверной-прекрасной девчонкой! Раиф, ты можешь моркнуть глазами и его манишинский стиль одевания с угрожающей скоростью, так что Мод не могла видеть его распаренной ульбки. На этот раз занял ее голос да привычное напреление его мыслями, напомнил ей о золотых днях, от которых он чуть было не отказался на всегда. Милая, терпеливая, преданная Мод, такая же доверчивая тонер, как и тогда, когда участвовала в первом походе! Итак, она решила, что недописанное письмо адресовано ей! В ее ошибке было столько трогательного, что он тут же предстал девушину забыванию.

— Ну, девочка, успокойся! Я один виноват во всем. Я слишком много работал и...

— Да нет же, я виновата, я! — наставила она.

— Ну, что ж, раз так, то мы тебя и накажем как следует... Чего бы такое придумать... Что-нибудь хорошее, да?

Тут же вдруг вспомнила последние строчки письма.

— Кстати, что ты собираешься предложить после того, как удалишь дела?

— Последку по Европе... лаконично сопрал он и, увидев вдруг открытый ящик стола, торопливо прибавил: — Последку, девочка, что, если нам сегодня придется обедать дома, а отправиться закусить в город?

Эйзис начал легонько подталкивать ее к двери.

— А оттуда — в театр! — восклинула она. — Совсем как прежде!

— Я сейчас вернусь, девочка, — сказала она, когда они стояли возле лифта. — Я забыл одну вещь.

Он быстро прошел к себе в кабинет, предумышленно закрыл за собой дверь. Затем зажег восковую свечку и приложил ее к конверту, адресованному Берте. Пока он размешивал золу в камине, он успел несколько раз тихонько вырваться — это он думал о женщинах с черными глазами.

Переведено с английского
т. ЛИТВИНОВА

A. Струнская (1900 г.).

Дорогая Анна! Вы найдете здесь письмо № 2. Я должен признать себя повинным в том же чувстве, которое преследовало и вас, когда вы писали мне.

Я не знаю, что делать. Как пугающе чувствую, что я не вправе это писать. Моя характеры, как и должен, или даже письма пишу не так, как им нужно писать. Но я надеюсь, со временем все выиграет. Во всяком случае, это хороший способ частично понять ограниченность человеческих возможностей.

Письмо Джеска Лондона к А. Струнской

Оклэнд, 1901 год

Как вы отнесетесь к тому, что я сделало из Эстер для Стеллы? Должно ли я писать ей, что я влюблен в слово «поэтесса». Существует ли слово «лирик»? Есть слово «эпир», означающее то же самое, но я не люблю его. Понимаете ли вы различие между поэтической и познавательной литературой? Я должна разработать ее в последующих письмах.

Завтра я пишу для Джея Кеннеди, что ничего не сказал вам о вашем облике. Эстер? Я не люблю насыщаться, нарушив второстепенные конфликты. Может показаться, будто я пренебрегаю вашим обличием, но я, однако, в представить себе не могу никого другого и его решения. Мне он кажется почти бесспорным. Монти быть, я неправ, не могу сказать этого.

Вот там. Дайте о себе знать. Я больше не могу писать Джею и мы прервались, продолжая писать друг другу, как и раньше. Итак, кроме того, я борюсь с сильной простудой.

Спойной ночи, дорогие, и, пожалуйста, крикните беспощадно, особенно погреховности вину.

ДЖЕК

Переведено с английского
В. БЫКОВА.

Ответ Джеска Лондона читательнице Лилиан Коллинз

от 26 апреля 1910 года.

Честно говоря, уверены, придется вам не по вкусу, разрешите мне, в свою очередь, обратить ваши внимание на то, что я похож на слугу, который проносит с прахом, чтобы не оставить в живых никого молодым человеком. Этот юноша не умел плавать, но был брошен в глубокое место и сгинул в воде. Вы бы, конечно, сказали, что человеку время научиться плавать, в то время когда он тонет, и он не утонет, а навредил бы выберется на берег. И, странно, возразили бы вы, что он не утонет, если бы он умел плавать, и нахожу, что сами вы с предельной отчетливостью высказали причины, объясняющие это. Мартин Иден не умел плавать и вынулся из воды утонув.

Вы уверите меня, что я доказывала, что в любом обмане, она не удастся Мартину Идену, что он не может быть лучшим из лучших, и вы не поверите. Из того, что я знаю о любви, я, напротив, убеден, что Мартин Иден, когда влюбился в Рози, был уверен, что она любила его, крепко любила и что не он один, а бесчисленные миллионы мужчин и женщин так или иначе подпадали подобным образом. Однако мне не терпится, чтобы Мартин Иден умел плавать и отдала решительно обобщенную будто бы отрицая всю любовь и величие всякой любви.

Спорить, таким образом, можно бесконечно. Но я думаю, что из-за Мартини Идена у нас с вами значительно меньше оснований для раздора, чем из-за Рози, и это несомненно облегчает жизнь. Ваш темперамент и ваш опыт указывают вам один путь, мой — другой. Мне думается, конечно, что эти различия облегчают разхождения.

С благодарностью за ваше доброжелательное письмо

искренне ваш, Джек Лондон.

Переведено с английского
В. БЫКОВА.

КНИГА о БЕССТРАШНОМ КАМО

...Поезд приближался к Тифлису. В вагоне едет революционер, которого полиция ищет по всей Грузии. Во все города, на все железнодорожные станции разосланы сообщения о его притеснениях. Конечно, и тифлисская полиция не дремлет: ее ждут. Ждет полиция, ждут и товарищи-подпольщики. Что делать? И вот революционер начинает спорить с одним из пассажиров — подвыпившим грузинским князьком, уверяя, что у того

не хватит смелости пройти по вокзалу, играя на зурне. Когда поезд остановился, князь выхватил зурну и двинулся по платформе, «отчаянно наудав щеки и тараща глаза». Конечно, вся публика, бывшая на вокзале, кинулась посмотреть на это удивительное зрелище. А городовые кинулись разгонять публику. Революционер спокойно выбрался из толпы и уехал в город.

Эта удивительная история действительно случилась в Тифлисе много лет назад. Героем ее был легендарный Камо, замечательный, бесстрашный большевик Симон Аршакович Тер-Петровян.

Об этом необыкновенном человеке — пламенном революционере, отважном и хитроумном подпольщике — рассказывает в своей книге «Тифлисский рассказ» молодой писатель Виль Орджоникидзе. Книга эта недавно вышла в издательстве «Молодая гвардия».

Автор ничего не выдумал о Камо; он написал книгу, основанную только на фактах.

Из нее ты сможешь узнать о начале революционной деятельности Камо, о проникновении его партийной клички, о первой речи на митинге, о перевозке денег и оружия под носом у полиции с помощью... жандармов и о многих других необычайных эпизодах жизни этого исключительного человека.

И когда книга уже прочитана, в памяти остаются не только все эти удивительные истории. В маленьких рассказах раскрывается характер Камо, этого замечательного жизнелюбца, веселого и неутомимого «кавказского разбойника», как шутливо звал его В. И. Ленин. Ленин очень любил Камо, искренне восхищался его смелостью, преданностью революции, железной волей.

Имя бесстрашного Камо никогда не будет забыто. Советская молодежь должна знать и помнить кавказского революционера, одного из самых верных сыновей нашей партии.

И. СОЛОВЬЕВА

для борьбы с невзгодами поэт называет «приверженностью земле».

Страстной любовью к жизни полны стихи Искандера, особенно такие, как «Хочу я в горы», «Квишти», «Весна», «На пляже».

Бот стихотворение «Ежевика»... Растет в расщелине склонов куст ежевики. Трудно разстич ему, но,

Почти окованый камнями,
Он молча не признал онов,
Своими тонкими корнями
Пронял камни пропороги.

Таков и лирический герой Искандера: настырливый, несгибаемый, красавец.

В детстве это бесшибашный проказник и затейник, «то пограничник, то циркач Цыганок» (стихотворение «Цыганок»), вырастающий затем в сутулогового и высокого парня, любимца детей всего двора.

Мальчишки воду приносили, Он головой в пузатым мыла Мотал, чтобы точнее лили, Понашивали и сопя. Он был любимей всех

На снеге... То змей, то удоши, то сеты... К тому же мускулы. А дети. Не могут силу не любить.

(«Баллада о старом дворе»).

Поэт видит мир по-своему,

свежо и ярко. Он замечает, как «Кура холистает в долине, подобно женщине в дому», как «спит влюблена село после летней страды», видит «пышку на черном иногораде» и ягоды ежевики, «голубоватые с боков», которые «лоснились и чернели, как лак на панцире жуков».

Но при разнообразии тем и образов у Ф. Искандера наблюдается некоторая тяжеловатость стиля, однообразие интонаций.

Встречаются в талантливой и аркой книжке и пустоватые стихи («Вечерний Сталинград») и совсем слабые строфы в хороших стихах (например, в стихотворении «Два двоюродных брата»).

По сравнению с первым сборником поэта, который хвалили «Литературная газета» и журнал «Новый мир», новая книжка — несомненный шаг вперед. Правда, ей порой мешают перепевы, досадные повторения некоторых тем первой книжки.

Одно из стихотворений поэта называется словами: «Человек рожден для дерзания». И мы вправе требовать от поэта новых поисков, новых дерзаний.

И. ФЕДОРИН

ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН ДЛЯ ДЕРЗАНИЯ

Вторая книга стихов молодого поэта Франца Искандера называется «Доброта земли».

Эта книга — о красоте поднебеса, о дружбе и любви, о целиальной силе всего земного, помогающей забывать утраты, вращающей раны людей.

Способность человека постоянно находить в себе силы

Читайте в 11 и 12 номерах нашего журнала рассказ специального корреспондента «Смены» Юлиана Семёнова о поездке по Египетскому району ОАР, Ливану и Ирану.

Со стр. 15.

потом часы пробили двенадцать, но никто не уходил. Когда, наконец, по телефону сообщили поисковый адрес, все вздохнули с облегчением. Ни один из разыскиваемых не успел выехать из Москвы. Теперь картина стала ясной. Сотни людей, чьи фамилии были внесены в списки штабили в Графском переулке, проживали в дачах районах Москвы.

В качестве санитара доктор Самвелова решила использовать помощника санитарного врача, член-корреспондента Академии наук СССР Фролову. Ей двадцать лет, а на вид можно дать еще меньше. Все любили эту хрупкую пышнозолотую девочку, недавно выпуск-

ницу медицинского училища, элегантную спортсменку, отлившуюся оттенком таинственного товарища. В эту памятную для Светланы ночь ей предстояло обхаживать все двадцать районных санитарно-эпидемиологических станций и архивы дежурных списков тех, кого следовало немедленно взять под стражу из мединского наблюдение.

— Светлана! — предупредила дежурная доктор Самвелова, вручая ей конверты. — Смотри, не проговорись кому не следует, какими методами везешь!..

— Да и самое все понимаю! — ответила Светлана и, бережно спрятав в портфель конверты, побежала одеваться...

* * *

Светлана сразу же не позлезо. Через час в машине забралась мотор, и пришло время заехать на автобазу. От возбуждения Светлана не могла найти подходящие слова: ведь до утра нужно обхаживать все районные станции, успеть сообщить адреса. Утром люди уйдут на работу, а кипу инструкций придется унести из города. Что тогда будет...

...Автобаза встретила ее веселым громом голосов и оглушительным стуком костианином донесло. Никто не спешил исправлять машину.

Светлана видела молодые, здоровые лица, слышала беззаботный смех... О, если бы можно было им рассказать, зачем она обежзывает районные станции!

— Понимаете: человек умирает! Шутки и смех сразу смолкли.

— Да, умирает человек, — продолжала она, — и нужны спаси не только его, но и других. Помогите, ребята!

— Так бы сразу и сказала! — услыхала она смущенный голос дежурного. — Иди садись в другую машину. Виновата.

В эту ночь постоянные милиционеры не раз перегораживали поднимали руки и укоризненно качали головой, провожая взглядом машину, проносишуюся по улицам. Светлана только захмучивала глаза, когда машину отчаянно заносило по скользкой мостовой. Но на рассвете последний пакет все-таки был доставлен. Усталый шофер участкою взглянул на побледневшее, осунувшееся лицо Светланы.

— Ну, а теперь куда?

— Вернуться, на Графский.

— И отдохнуть домой не поедешь?

— Нам нельзя отыскать.

Она так и уснула, прислонив-

шись к плечу шоfera. А он тихо и бережно вел машину, время от времени поглядывая на утомленную девочку...

* * *

...В кабинете доктора Самвеловой непрерывно звонят телефоны: — В Свердловском районе все «контактные» лица под наблюдением...

— Только что отправили в кабинет «контактных» в Октябрьском районе.

— За Ленинский район не беспокойтесь! Все сделано...

И вдруг обнаружил новый случай заболевания. Заболела предподаательница одного из московских аузоров — Р. По ее словам, она почувствовала недомогание после того, как побывала в Сандуновских банях. С художником К. и его семьей она не была знакома...

Почему же инфекция оказалась занесенной в Сандуновские бани? — недоумевала Р.

Разгадка этой непонятной истории выяснилась позднее. Прежде всего рассказать о ней, познакомимся с теми, кто, считаясь только со собственным благополучием и не думая о других, неизвестно уложил работу санитарных врачей...

Жена художника К., гражданка Л., после смерти мужа привезла в порядок все вещи в квартире. Их было немало, и Л. очень дорожила ими. Сотрудники городской санитарно-эпидемиологической станции предупредили ее, что в квартире будет произведена демонтажка. Л. отказалась. Врачи настынили. Тогда Л. тайком вынесла из квартиры часть вещей и уехала в неизвестном направлении. Гражданка Л. не думала тогда о возможных трагических последствиях. Страсть к вещам оказалась сильнее разума и чувства долга.

Когда сотрудник санитарной службы явился на квартиру художника, встретил приемлемый сын художника, гражданин Д. — Дезинфицировать квартиру — возмущалась он. — Вы что, с ума посходили? Это же заграничные вещи! Их цены нет! А вы их собираетесь окунывать всякой дрянью...

Пришлось прибегнуть к помощи работников милиции, а самого гражданина Д. отправить в карантин.

— Где ваша мать? — спросил врач.

— Не знаю! — отвечал Д., лукошко ульбаясь. — Понятия не имею...

Только позднее, уже в больнице, он сказал, что мать уехала в Ленинград, захватив с собой вещи. Но адрес, где она остановилась, называть отказался.

Из Министерства здравоохранения РСФСР в Ленинград полетели телеграммы: во что бы то ни стало разыскать в городе гражданину Л. вместе с вещами. Работники ленинградской милиции пришли немало потрудиться. Но разыскать пресловутые вещи у родственника Л., работника милиции и санитарной службы не могли. Сама Л....

— Видите ли, — любезно объясняли родственники врача, — она неизвестно чувствовала себя после приема. Наверное, грипп. Самы видите, погода сырья.

— Где она? — стараясь выгля-

деть спокойными, спросили сани-тарные врачи.

— Уже уехала...

— Куда?

— В Москву...

Легко себе представить, что ис-пытывали врачи, выслушавшие по-добные комментарии. Они-то до-гадывались, что значит это алег-орическое «уезжание» и повышение температуры...

Немедленно по всем станциям железнодорожной дороги было дано ука-зание задерживать и высадить из поезда гражданку Л. Во всех по-ездах, следящих за Москвой, как-дем полчаса по радио объявляли, что гражданская Л. просит пройти к начальнику поезда по чрезвычай-но важному делу. Однако призы-вания остались без ответа. Гражданка Л. не откликнулась на них. Она спокойно доехала до Москвы и на-правилась к себе домой. Спуска-ясь в метро, она чувствовала, как спина колотится о деревянные двери, становясь трупом. Погод газами у нее пили оранжевые круги. «Проклятый грипп! — с до-ждем думала она. — А вдруг не грипп? — мельнуло у нее по-дознение. Ей стало страшно...

...Да, гражданка Л. поехала в Ленинград, будучи больной. Уже накануне отъезда она почувствова-ла недомогание. «Схожу я в ба-но», — решила она. — Может быть, станет легче...

И она направилась в Сандунов-ские бани. Там, присев ванну, она сняла с себя одежду. В педи-атронной рядом с ней на минуту присела незнакомая женщина. Это была преподавательница Р... Вскоре заболела и Р...

...в свой квартире на Петровско-Разумовской улице граждани-ца Л. добрасывала с вокзала совсем больной. У подъезда ее поджидал сотрудник санитарной службы.

— Немедленно отправляйтесь со мной в карантин! — приказал он, пристально глядя на нездор-ового румянец выступивший на ее щеках.

Гражданка Л. открыла дверь, тихо шагнула вперед и, здрави-обернувшись, ловко заперла дверь на замок. — Этаки вещи ценят!.. Вам, санитарники, надо только разрушить! Вандаль!

Она прошла в квартиру и по-тихоньку спрятала заграничные ковры на антресоли. Здесь уже за-ранее были припрятаны и другие вещи.

Она спрятала на лестничной пло-щадке с расщелинами от слез ли-ком, с вискоцементными волосами. Лицо у нее было в пятнах. Она вся дрожала. «Не дам! — хрю-стала повторяла она, прижимая к груди. — Не дам!..

Через полчаса ее доставили в больницу. Здесь Л. узнала, что ее приемный сын тоже заболел...

* * *

...Когда преподавательница Р. рассказала, что, чувствуя себя не-здравой, она все-таки поехала в институт и приступствовала на эк-замены, то студенты, не зная о ее болезни, смеялись и переговари-вались, смотрели противози-днического отдела были не на шутку заволнованы. Дело ос-ложнилось тем, что студенты учил-ись на вечернем отделении. Они жили в различных районах Москвы и Подмосковья и работали на раз-ных предприятиях.

Георгий Петрович Николаевский.

Светлана Фролова.

Сара Аванесова Самвелова.

В тот вечер сдавали экзамен больше ста человек. Подняли экзаменационные ведомости. Уточнили все адреса. И снова Светлана на Фролова — эссы ночь ездила по районным стационарам. А когда вернулась, ее ждала дурильщица. Вспомнили доктора Кота от первой эссы, студентку химико-технологического института, и ее друг, тоже студент. Оба макакуны побывали с товарищами на студенческой вечеринке. Нужно было скромно разыскать их друзей. Немного позже Светлана узнала, что в больницу доставили дворника дома, где проживала семья художника К. Он помогал гражданину Л. убирать и упаковывать вещи...

Дмитриевич Репников немедленно выехал на машине в подмосковные совхозы...

За приготовлением вакцины на плодовом пропагандор Морозов и старший научный сотрудник института Люся Богдановна Балаги. Отлично работали в те дни опытные сотрудницы института. Екатерина Гордеева и Евгения Стежинская, от них не отставали и молодые лаборантки: Мария Косицына, Анна Блинова и Ольга Качанова. Первые десятки тысяч ампул были отправлены на городскую санитарную станцию.

Здесь уже все было готово, чтобы начать массовые предохранительные прививки среди населения.

И вдруг как гром среди ясного неба! Сообщение: «Погода резко ухудшилась». Условия для полета тяжелы. Самолет, летящий из Томска в Москву, на Свердловском аэродроме...

— Три часа ночи. Светлана Фролова дрожит у стола. Кто-то осторожно дергает ее за руку халата. Светлана открывает глаза. На пороге стоит незнакомый человек с бумагами в руках.

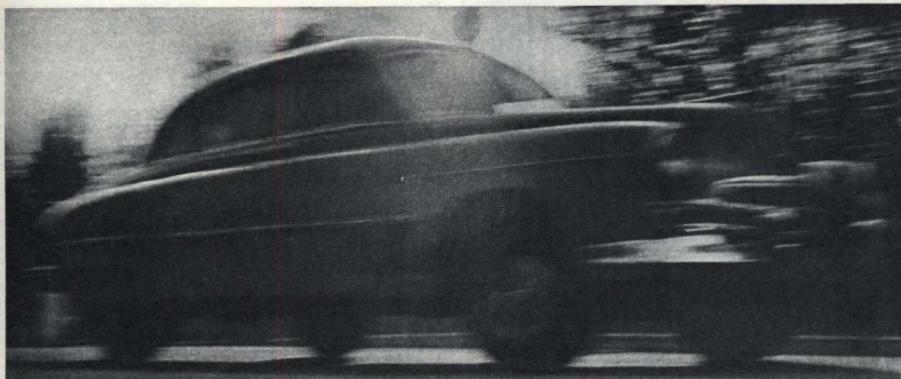
— Я Рыжий! — говорит он и показывает Светлане бумаги.

— Оставьте ваши глупые шутки, товарищ! — строго отвечает девушка.

— Да нет, я Рыжий! — уверяет незнакомец. — Такая фамилия! Я

Огромная победа советской медицины, в кратчайший срок ликвидировавшая опасный очаг губительной эпидемии, вызвала большую радость в нашей стране и других странах. Со всех концов мира в Советский Союз посыпались письма и запросы: «Как удалось вашим врачам так быстро справиться с «вариолой Варзе»?

Коротко ответить на такой вопрос трудно. Ведь для этого нужно вспомнить всю историю развития советской медицины, ту поистине исключительную заботу Коммунистической партии и Советского правительства о здоровье народа, которая позволила создать в нашей стране необычайно

* * *

Мосгорисполком созвал обширное совещание партийных и советских работников Москвы. На совещании шел разговор о противоядственных прививках всему населению города. Для этой цели понадобится 10 миллионов доз противоядственной вакцины — де-

титра. Часть этого количества имеется в Москве — заявлено со-трудниками Министерства здравоохранения РСФСР. — Остальные дозы детитра мы получим в ближайшие дни из Томска, Ташкента и Одессы...

Через час профессор Михаил Акимович Морозов собрал со-трудников отдела института эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи. Было принято решение мобилизовать всех работников отдела на производство детитра.

Противоядственная вакцина изготавливается из кожи молодых телят, которых заряжают легкой формой оспы. Разумеется, эти животные должны быть абсолютно здоровыми и чистыми, возраст их не должен превышать шести месяцев, вес — двухсот килограммов. Из кожи одного такого теленка можно приготовить свыше миллиона доз противоядственной вакцины.

Работники института предстояло немедленно найти двух телят, которых заряжали легкой формой оспы. Разумеется, эти животные должны быть абсолютно здоровыми и чистыми, возраст их не должен превышать шести месяцев, вес — двухсот килограммов. Из кожи одного такого теленка можно приготовить свыше миллиона доз противоядственной вакцины.

Работники института предстояло немедленно найти двух телят, отвечающих необходимым требованиям, чтобы развернуть масштабное производство вакцины. Опытный ветеринарный врач Владимир

ния. Руководитель группы прививок доктор Байдарин принимала сообщения из районов комсомола Москвы. По телефону сообщали:

— Второй Московский медицинский институт готов пятьсот студентов-комсомольцев для выдачи привиц населению.

— Первый медицинский институт высыпает четыреста двадцать комсомольцев...

— Стоматологический институт получил заявления от трехсот человек...

— Фельдшерские ученицы посыпают прививки в двести восемьдесят человек...

Призванные бригады стояли на пути страшной болезни. Таких бригад в Москве было организовано свыше шести тысяч. Создано около пятидесяти санитарно-эпидемиологических пунктов. Массовые предохранительные прививки...

— Призванные проходили настойчиво организовано и быстро, что с первых же дней почтоставился острый недостаток дефицита. На городской санитарно-эпидемиологической станции надрывались телефоны. Звонили со всех прививочных пунктов. И оттуда требовались умоляли, угрохали. Всё вновь новали одно и то же: успеют ли периферийные институты вакцин и сывороток приготовить и выслать срочно в Москву нужное количество противоядственной вакцины...

Опять врачи городской ЦЭС не расходятся по домам. Их известили, что из Томска в Москву вылетят самолет с зажинкой. Утром из Одессы и Ташкента должны вылететь еще два самолета.

из Томска. Привез вакцину... Мы сели на Быковском аэродроме.

Светлана не слышит, что он еще говорит. Она вскакивает и целует щеколеменного незнакомца. В коробке с вакциной висит якорь, жалют томича плотным кольцом. Ему помогают разделся. В металлической коробке для хранения инструментов лазеризуют чай. А. И. Рыжего, начальника разливочно-фасовочного цеха Томского института вакцин и сывороток, кто-то даже предлагает качать. Самолет из Томска, несмотря на непогоду, пробился в Москву и доставил большую партию дефицита...

Утром прививки продолжились. Каждый день сотни тысяч москвичей избавлялись от угрожающей опасности заражения. С 19 по 24 января предохранительные прививки были сделаны почти семи миллионам человек! Напомним, что в 1947 году для противоядственных привиц лишь пять миллионам жителей Нью-Йорка работникам санитарной службы понадобилось тридцать пять дней!

23 января был установлен своеобразный рекорд. В течение дня были сделаны прививки 1 миллину 565 тысячам москвичей.

Такого невиданного размаха профилактических мероприятий никогда в медицинской практике не знала. Московская корреспонденция газеты «Нью-Йорк геральд трибьюн» писал, что кампания противоядственных прививок была разорительна по своим масштабам, быстроте, спокойствию и организованности. Подобных сообщений в зарубежной печати было немало.

разветвленную сеть лечебных и медицинских учреждений, воспитать громадную армию квалифицированных специалистов и многое, многое другое.

К 25 января один из москви-

чей не миновал один из москви-

ческих аэродромов — один из москви-

«Святой врачеватель» Павел Перегуда со своими «лекарствами».

МАСКА СОРВАНА

«Святой Сашка», изверг и тунеядец.

Столица поднятой алтайской целины город Рубцовск за последние годы превратился в крупный промышленный и культурный центр.

Но мало кто замечал, что в последние времена Рубцовск стал еще и центром деятельности... секты «святителей слова божьего», или, как они сами называли себя, «истинно православных христиан». Возглавляет эту sectу «отец» «братва Христес» Федор Царегородцев и Александр Коршиков, прозванные «святым Сашком».

За плечами каждого из них была, мягко говоря, весьма пестрая жизнь. Старший по возрасту, Ф. Царегородцев,— сын раскулаченного деревенского мещера. Ни на миг не затухала в нем злоба на советскую власть. Вступить в колхоз он настороже отказался. А когда пришло время идти на военную службу, Царегородцев скрылся и почти десять лет бродил по Горьковской области. В годы Отечественной войны он сражался, паранджил для конспирации в женскую одежду. Во времена своих путешествий он и познакомился с участниками церковно-монархического подполья, которые подкрепили его «духовной пищей»—антисоветскими книжниками.

Младший «отец», А. Коршиков, на производстве работал весьма недолго, а затем, решив занять легкую жизнь, обставил себя «истинно православными» и примикинул к сектантам.

Эти «святые отцы» встретились в Рубцовске быстро сплелись и стали вербовать в свою банду группе верующих. В том, чем они занимались, было очень мало религии, но зато много антисоветской пропаганды, изуверства и садизма. В конце концов Царего-

родцев и Коршикова сели на скамью подсудимых.

Двери зала местного железнодорожного клуба, где проходил суд, были открыты для каждого. И теперь многочисленные труженики целинного края воочию смогли убедиться, что же на самом деле представляет собой секту «истинно православных христиан». Возглавляет эту sectу «братва Христес» Федор Царегородцев и Александр Коршиков, прозванные «святыми слова божьего»...

С помощью этих книг «святые отцы» одурманивали людей.

— Чем вы занимались? Не какие средства существовали? — спросили на суде Коршикова.

— Я христианин истинно православной веры, трудился на ниве божьей, молился Богу за себя и за другого, — отвечал тот, степенно разправляя густую, окладистую бороду.

Почему вы не занимаетесь общественно полезным трудом? — Потому что я не желаю

участвовать в строительстве коммунизма. Мы, истинно православные христиане, признаем законной только власть помазанника божьего царя Николая Романова...

Гул возмущения, прокатившийся по залу, заставил втуньнуть головы в плечи и подсудимых и их подлевал.

Шаг за шагом начал разоблачать суд темную историю «истинно православных».

Накануне последней Всесоюзной переписи населения в доме Царегородцева они провели «инструктаж» со спящими. Речь держал «святой Саша».

Завтра будут записывать людей в коммуну... Пере-на-пере надеялись перекрестить счетчика еще в дверях, ибо это слуга дьявола. Отвечаите так: мы записаны в книгу жизни при крещении, господи Бог вычеркни нас из этой книги в день нашей смерти. Больше переписываться не будем. И на выборы не ходите, потому что, как говорят пророк Исаия, «мерзость тот, кто избрал вас»...

Так запугивали они верующих.

«Святые отцы» спело ненавидящее Святую Землю, даже разрывали все свои «документы» из них печать антихриста... Однажды на квартиру Царегородцева зашла сектантка со своим сыном-школьником. «Отец Федор» заметил у мальчика авторучку со звездочками на колпачке.

— Носять звезду — тяжкий грех! — пригрозил он и сам стянул бороду стечивать ее...

Приехал в Рубцовск, Федор Царегородцев поселился в дом Анастасии Комардиной. Комардина незадолго перед этим осталась вдовой с двумя девочками на руках. Всю жизнь Царегородцев был мужем Анастасии и первым де-

лом сорвал со своей падчерицы Тани пионерский галстук. Он отключил от дома радио — «стенсатаны». На Таню надели крестики. Каждое утро, часов в шесть, отчим поднимал девочку с постели и ставил на колени: «Молись!» Два часа непрерывных молитв утром, до ухода в школу, и два часа вечером. Девочку без конца заставляли постыдиться: кормили только одной картошкой. Веру в Иисуса Христа отчим включал в нее кулаками, ремнем и веревкой. Однажды подружка Тани сказала, что Таня должна смотреть фильм по телевизору. Царегородцев отоспал падчерицу, приволок домой и избил. А мать Тани во всем соглашалась с изувечением.

— Царегородцев был меня очень часто, — рассказала на суде Тания. — Он говорил, что Бог по тому, что жалеет мне добра. Однажды я опоздала в школу и не успела заправить кровать. Вернувшись, я сказала ему: «Папа, в школе есть печеные, дай мне немного денег». Он мне ответил: «Я вот приготвил тебе печеные». Взял ремень и стал меня бить... Был один раз. Отдал ремень раза пять. Каждый раз, пока я показывала, что я плохая девочка, я говорила: «Я не виновата в сенцах» — и зервилась по спине... А всяких ников и щелчиков я от него получила очень много... Мама не обращала на меня никакого внимания, говорила, что я для нее ничего не стою... Я окончила седьмой класс. Царегородцев сказал мне, что я больше учиться не буду. Книги для восьмого класса у меня нет, и они мне их не купят...

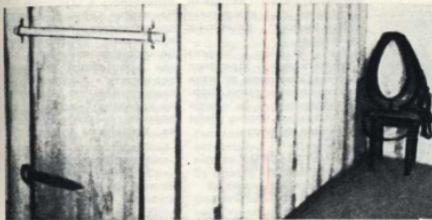
«Брат во Христес» Царегородцев, не моргнув глазом, подтвердил все это суду:

— Падчерицу я воспитывал духовно и телесно... Господь наставляет детей, если они не слушаются.

От регулярных голодовок — «постов», от изнурительных молитв и частых побоев Таня тяжело заболела. У нее началось воспаление легких, и врачи вынуждены были отчима поставить «точные диагнозы»: за непослушание Богу и яви, Федору, в Таню вселялся бес, кого надлежит изгнать. И решили отправить девочку к «святому отцу» Павлу — старому алоказыглику Павлу Перегуде из села Николаевки, Поспелихинского района. В сторону Николаевки машины не ходили, и Таню повезли пешком. Надо было пройти километров тридцать. За все время пути ее лишили «святой пищи» и только один раз дали маленькийкусочек хлеба. «Отец Павел» Таню заставлял сидеть на коленях и начали молитвами изгнать из нее бесов. У девочки от слабости закружилась голова, она упала, ударила головой об пол и потеряла сознание. А когда очнулась, ее снова поставили на ко-

Сектантское сборище в доме Маркитановых.

В этой клети изувечены истязали Марию Киселеву. Рядом — хомут, которым они «врачевали» больную девочку.

лени и снова начали «изгонять бесов».

Рубцовские шаманы «врачевали» не только Таню Комардину...

Мария Киселева выросла в семье фанатичных сектантов. Мать воспитывала Машу, двух ее сестер и брата «в страхе боязни», заставляя их молиться, креститься, молчание, не пустив учиться в «грехозную школу». Когда Маша встретилась с хорошими парнем, мать и говорить не захотела о свадьбе. А Маша привыкла во всем слушаться матери. Прошло время, парень женился на другой девушке и поселился неподалеку от дома Киселевых. Маша от горя впала в буйное помешательство:

Позвали «отца» Федора, который заявил:

— Сестру Марию покарал Бог, и в нас вселились три беса. Ровно три: один женского рода, дав-муского...

И несчастную девушку принесли «исцелять». Прежде всего в доме для нее построили клетку из крепкого теса с дверцей и надежной задвижкой. Ни пол клетки броских охапки соломы. «Истинно православные» стали собираться у Киселевых каждый вечер. Девушку вытаскивали из клетки на середину комнаты и начинали изогнуть «грациозные» фигуры Федором и бесом. Затунненное заявление слышалось целыми ночами напротив. Пригласили «авторитета» по этой части — «отца» Павла. Тот потребовал более действенные «лечебные инструменты». Анатолий Киселев, старший брат Марии, пошел на мельницу и выросил на время хомут. Хомут стали использовать в «терапевтических» целях: надевали его на шею больной...

— Глядите, а ведь и впрямь помогают! — воскликнулась сердеболивая мамаша Прасковья Киселева... Раньше-то ее четверо еле держали, а нонче трое держат...

Только вмешательство соседей избавило девушку от этого истязания. С помощью милиции ее вытащили из рук изувеченных в больницу. Там она быстро выздоровела.

Сектантские запреты очень быстро огласили.

...Четыре дня шел суд над «сектами боязни правды».

Горячими аплодисментами встретил зал слова общественного обвинителя — учителя местной железнодорожной школы Николая Андреевича Шейдака:

— Советская власть запрещает насильство, боязнь мы никому не позволим нарушить ее законы и калечить наших людей!

Сектанты пытались распространять свое учение с помощью лжи и обмана, угроз и побоев. Но их старания пропали даром.

Когда Таню Комардину спросили, как она хочет жить, девочка ответила:

Таня Комардина, вырванная из рук изувечителей.

— Я хочу учиться, хочу быть пионеркой. Хочуходить в кино, читать книги. Я думаю поступить в педагогическое училище, чтобы воспитывать детей.

Церегородцев много сил потратил, чтобы опутать религиозной паутиной мужа своей старшей подруги — молодого рубцовского рабочего Николая Жукко.

— Церегородцев я не слушал, скажи Николай... И свою жену убедил, чтобы она не ходила на моления.

Свои зловредные проповеди сектанты называли «семенами», а людей, отвергающих «истинно православную веру», — «незасеянной землей, целиной». «Плохи дела, — тяжко вздохнули они при встречах. — Земля неплодна...» Да, плодородная сибирская земля оказалась неподходящей почвой для скрывавшихся под маской «святителей слова боязни» изувеченных, злобных врагов нашего общества!

А. ШАМАРО

Умеренно. Задумчиво

mp
ff
ffz
— я, ху, ху ду, иной гнев разин, с ле, тих, цвет е, е, как снегу.
— шипкий на се, ребристых вет... вих. Цвет е, е, как снегу, шипкий на се...
ребристых вет... вих.
— ребристых вет... вих.
— сол. зо. же? тез?
— сол. зо. же?
— сол. зо. же?

Слова Алексея Фатьянова.

Музыка Алексея Кузнецова.

Лишь покров зимы стражула
И опять, как снег, вела.

Так и ты, о ком мы тужим,
Снега покровом заснула.
Красне всех своих подружек,
Раньше всех она цветет.

Красота твоя ребятам
Спать спокойно не дает...
Разве ты в том виновата,
Что черемуха цветет?

ЖЕРТВЫ БОЛНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ

ЕМУ БЫЛО

21...

Антон Клемм совсем недавно слал солдатом. На призывном пункте и в газетах на все лады рекламировали « здоровую армейскую жизнью и товарищество солдат». Действительность оказалась иной...

После изнурительного 25-километрового марша он добрался морем до Колюма, тут раздались произнесенный голос дневального. Антон очнулся, как после тяжелого забытья, и с трудом поднялся с койки.

Прозвучала команда стройтесь. Антон, чувствуя возрастающую слабость, поклонился сержанту и не додогонил.

— Обратитесь к лейтенанту, — коротко бросил тот. Лейтенант презрительно смерил его взглядом и прокричал:

— После обеда зайдите к врачу. Если болны, даст обходнички.

Тогда Антон решил обратиться к командиру батальона. Он знал, что солдаты, как огня, боялись майора — бывшего эсэсовца.

— В чем дело? — недо-

вольно спросил командир. — Кто вас прислал?

— Осмелюсь... господин майор. Я очень устал... Мне нездоровится...

Лицо майора вытянулось. На подбагровившей щеке резко обозначился старый шрам.

— Не знаете порядка! Распустили... Что за выпавки!..

Командир подозвал сержанта.

— Зайдите на эти макароссы! Научите его, как следует обращаться к старшему начальнику!.. Тоже мне вон! Такие солдаты — позор для Германии! Из-за таких вот кретинов мы проиграли войну!.. И не победим в будущем, пока не воспитаем солдат, до сих пор живущих в эпоху великой Германии!

Батальону предстояло совершить 15-километровый бросок на 8 километров. Подчинявшийся тяжелому и разноменному ритму движения солдатской массы, Клемм шагал, шагал... без конца.

Когда прозвучала команда остановиться, Антон наступил на впереди идущего и мешком повалился на землю.

— Отставить! привал! — Яростный крик над ухом заставил его очнуться.

Командир приказал отобрать самых «нерадивых» солдат для «состязания в бегах».

— Кто у ворот казармы будет последним, тому на руки мне очередь! Всегда нари!

Антон заметно отстал от других, но упорно продолжал бежать. Впереди виделись смутные очертания медленно приближающихся ворот казармы. Когда до них было уже совсем близко, грудь вдруг что-то сдавило, и все погрузилось в темноту.

Меня передало агентство ДПС [Западная Германия], — звучало марш-бросок на 8 километров и состязания в беге до ворот казармы рядовой 123-го танкового батальона, размещенного в Амберге, Клемм потерпал сознание и умер три часа спустя. Клемм считался абсолютно здоровым солдатом...

Корреспондент агентства АДН [ГДР] сообщил на г. Фюрт в Западной Германии:

«Днем состоялись похороны жителя Фюрта Антона Клемма в возрасте 21 года, призванного в шестнадцать лет, в 1956 году, палате Астрахана. Водный путь до Астрахани пролегал самим Каспийем, стал свободен. Со зданиями независимого централизованного государства было завидовано.

Эти важнейшие события не могли не найти своего отражения в художественно-изобразительных произведениях. Итак, в 1956 году Барма и Постник приступили к выполнению этого поручения. Прошло всего четыре года, и строительство было закончено. Соборская купола возвышаются над мечетями, а девять ступолобранных церкви поставили в один ряд с мечетями. Восемь башен построены в виде куполов. Построили минареты. Восемь повелевали государь, а девять требовалась погони. Центральная купола слушина как бы осью, стяжком, воротом восеми, остальных расположились симметрично: четыре большие — по сто-

бесчеловечными методами муштровки под командованием «бывших нацистских офицеров».

Как отметил журнал «Форум», в этом «состязании в бегах», в котором приняли участие сотни жителей Фюрта, превратившись в немую демонстрацию против убийц в воинской форме.

ТРАГЕДИЯ НА ИЛЛЕРЕ

РАЗДАВЛЕННЫЕ ТАНКОМ

На юге Баварии, в Альгейских Альпах, течет сырьевой поток Илле.

Здесь во времена западнонемецких войн отряды молодых солдат бундесвера получили приказ форсировать в районе г. Кемптене разливавшуюся горную реку.

Из 33 юношей, переправившихся через Илле, 15 человек утонули, четырех удалось спасти, остальные успели выбраться на берег...

Всех погибших были ученики винзавода, и их поиски продолжались в течение многих дней.

На снимке № 1 — одна из жертв роковой переправы, обнаруженная через пять дней в мельничной запруде, в 15 километрах от Кемптена.

В связи с трагедией, разгрывавшейся на Илле, «Нью-Йорк Таймс» писала, что гибель 15 солдат западнонемецкой армии, погибших в районе реки Фрг, является представителем как «искристый случай», в действительности является преступлением западногерманских милитаристов.

Ответственность за трагическую гибель солдат, под-

на снимке № 3 — еще одна жертва боинских милитаристов, домашняя хозяйка Бабетти Тейхман из Амберга.

Разве могла она предложить, что на улицах родного города в мирное время подстерегает ужасная смерть под гусеницами танка!

На маневрах НАТО «Зимний щит» один из танков,

ПЕСНЯ ИЗ КАМНЯ

Четыре столетия назад два простых русских члены призыва Михаила Федорова, по легенде, государь воспел в камне величие дела народа. А дела эти были не венчаны. План Казань — последний оплот многочисленного татарского владычества. А в 1552 году, склонясь лет, в 1556 году, пала Астрахань. Водный путь до Каспия стал свободен. Со зданиями независимого централизованного государства было завидовано.

Эти важнейшие события не могли не найти своего отражения в художественно-изобразительных произведениях. Итак, в 1956 году Барма и Постник приступили к выполнению этого поручения. При Иване Грозном он назывался «Собор Покрова Богородицы на Красной площади» и называлась храмом Василием Блаженным именем извращенного в то время языка, над могилой которого и возвели десятый придел.

Шли столетия... К началу XV века состояния собора были настолько ухудшившимися, что один из членов «Общества защиты и сохранения России памятников искусства и старин» в

1912 году сказал, обращаясь к своим коллегам: «Катастрофа может случиться в любой момент времени. Не знает, может быть, выход из этой засады, мы услышим: «Что же это?» — крик блаженного руиниста».

Реставрационные работы построены на Красной площади были только после Великой Октябрьской социалистической революции. А в 1918 году были сделаны первые шаги к предотвращению катастрофы. А через три года — в 1921 году — мемориальная реставрация собора под руководством архитектора П. Сухова. Позднее, в 1954—1955 годах, работы возглавил архитектор А. А. Трофимов. Реставраторы стремились, насколько это представлялось возможным, воссоздать первоначальный вид и окраску собора.

Именно Барма и Постник можно было поставить в один ряд с именами величайших зодчих, которые возвели в ХХ чудесное творение и сегодня, как четыре столетия назад, привлекают внимание сокрушительным своим совершенством своих форм и вызывают у каждого советского человека законное чувство национальной гордости».

М. ТЕР-АВАНОСОВА

прозевавших через Амберг, выехал на тротуар и задавил Евгению.

Но Евгения Тейхман не единственная жертва на этих маневрах, в которых принимали участие американские и западногерманские войска. В ходе военных учений, проводившихся с 1 по 6 февраля в Баварии, было убито 10 и тяжело ранено 38 человек. Среди погибших — 4 гражданских лица, но никакого отношения к войскам. Кроме того, в результате маневров был причинен крупный материальный ущерб общую сумму в 6 миллиардов марок.

МОЛОДЫЕ НЕМЦЫ НЕ ХОТИТ СЛУЖИТЬ В БУНДЕСВЕРЕ

Не желая служить в бонни- ской агрессивной армии, многие молодые немцы призванного возраста переходят в ГДР. Так, со временем введение Западной Германией единой повинности, сообщает орган министерства национальной обороны ГДР «Ди Фольксмар», в Германскую Демократическую Республику перешли свыше 50 тысяч молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. В результате этого, отмечает газета, западногерманский бундесвер лишился 120 батальонов...

«НЕТ

ВОЙНЕ!»

Немецкая молодежь ведет активную борьбу против господства милитаризма,

против атомного оружия и возрождения нацизма в Западной Германии.

На снимке № 4 вы видите демонстрацию в Западном Берлине. Члены молодежной организации «Соколы» вышли на демонстрацию с лозунгами: «Лучше быть активным, чем радиоактивным», «Демократия вместо фашизма», «На борьбу против атомной силы!»

В связи с аннексией фашистских сил в Западной Германии и в Западном Берлине по стране прокатилась волна митингов и демонстраций протеста. Полиция арестовала многих демонстрантов. Вы видите один из таких моментов произошедшего западногерманской полиции на снимке № 5.

На снимке № 6 демонстрация против нацистских и антиисламских выступлений в Западном Берлине в январе этого года была арестована и брошена в тюрьму немецкий патрист Клаус Вальтер. Двадцатилетний студент не плакал с изображенением карикатуры на боннских министров, проводящих ремонтпартизанские спектакли, символизирующие возрождение нацизма. О том что удар попал в цель, свидетельствует, например, то обстоятельство, что Клаус Вальтер был отдан под суд по личному ходатайству самого канцлера ФРГ Аденауэра и небезвестного нациста Оберлендера.

Однако, несмотря на угро- зы запугивания и бес- па-

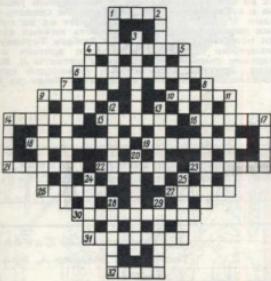
ную нацистскую пропаган- ду, немецкая молодежь не

желает быть пущенным мя- сом для западногерманских милитаристов.

А. РАЧКОВ

КРОССВОРД

Составил Н. КУРИЛЬЧИК (Гомельская область)

По горизонтали:

- Французский поэт XIX века.
- Храмилище живостей, газов.
- Русский живописец-маринист.
- Советский писатель-деталист.
- Центр угольной промышленности Узбекистана.
- Озеро в Европе.
- Птица, гнездящаяся на побережьях Атлантического океана.
- Электромагнитный прибор для воспроизведения звука записи.
- Город на Урале, где находит свое пристанище птичий зоопарк.
- Спортивное состязание на первенстве.

венство.

- Отрог Тянь-Шаня, крупнейший в СССР метеоритный кратер.
- Автор обличительного литературического произведения.
- Симфоническая форма Балакирева.
- Оптическое стекло.
- Геометрический фильтр.
- Способ превращения беспозвоночного животного.
- Герой романа Ч. Диккенса.

По вертикали:

- Отличительное слово, характерное для культурного центра Восточной Сибири.
- Разновидность химического элемента, имеющая радиоактивные народный поэт, драматург.
- Станиславский город.
- Метод, на основе жизненных процессов из методов.
- Шутка в одном из романов Григория Аллажа.
- Актёр оперы «Дубровинки».
- Советский учёный, автор популярных работ по минералогии и геохимии.
- Немецкий писатель, переводчик, грамматик.
- Столица Южной Кореи.
- Способ передвижения ящиков.
- Узкий рисунок на деревянной доске.
- Советский писатель и пророк.
- Советский писатель, переводчик.
- Бывший воспитанник училища.
- Область в центре крупного центра рабочего и демократического движения.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 9

По горизонтали:

- Ильинская.
- Горы.
- Рыбак.
- Доризо.
- Комиссар.
- Соловьев.
- Зимонов.
- Арбузов.
- Логодин.
- Леонов.
- Ильин.
- Федоров.
- Конюх.
- Неверов.
- Луконин.
- Карацева.
- Смирнов.
- Панков.
- Фадеев.
- Дигитова.
- Попов.
- Калинина.
- Николаев.

По вертикали:

- Тендраков.
- Розов.
- Кольцов.
- Баширов.
- Баскин.
- Чаплыгин.
- Бородин.
- Рыбаков.
- Ильин.
- Федоров.
- Бончончук.
- Приходько.
- Соколов.
- Лихонин.
- Котович.
- Чуковский.
- Каверин.
- Светлов.
- Воронцов.
- Нагибин.
- Володин.
- Сакеев.
- Несесов.

Рисунки наших читателей, студентов МАИ З. Успенского и В. Зиминова.

— Мими, это даже хорошо, что лифт не работает.

— Что-то случилось с замком, приходится взламывать дверь.
Да, но ваша квартира этажом выше.

ЭТИ ФИЛЬМЫ ВЫ СКОРО УВИДИТЕ НА ЭКРАНЕ

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Секретариат — Д-3-34-24. Отделы: литературы и искусства — Д-3-35-24, очерка и публицистики, юмора и сатиры — Д-3-31-68, науки и техники, спорта — Д-3-38-82, международной жизни, информации — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформления — Д-3-34-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: М. Н. Алексеев, Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, Б. Д. Николаев (заместитель главного редактора), Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор А. Ерасов.

Первая страница обложки: Старт. Фото А. Вочкинна.
Четвертая страница обложки: Березки. Фотограф Г. Зельма.

A 05811
Подписано к печати 18/VI—60 г.
Тираж: 800 000 экз.
Заказ 1232.
Формат бумаги 70×108½%
2,25 б. л.—6,17 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени Н. В. Стalina. Москва, ул. «Правды», 24.

Уже отсняты первые кадры фильма «Чудотворная», который ставится по одноименной пьесе О. Генриковой. В картине появляется от судьбы маленький мальчик, который заставляет верить в бога, заставляя молиться перед иконой. Но мальчик Родина не смиряется, всеми доступными ему средствами он борется с судьбой, с дурманом, которым родственники пытались отравить его душу...

...Но печи лежит Родина и из-за труб наблюдает, как бабки зажигают свечи в честь Богородицы. Бабки выходят из избы. Родина провожает их взглядом. Затем неторопливо, неспешно слегает на пол. В избе темно. В углу освещенная лампадой икона Родника стоит перед избы и молчит, исподобив глядь на нее. Сестра Родника приходит и снимает с него пиджак. Родина смеется и печи. Вот уже в его руках тяжелый колпак. Родник размахивает и разбивает иконы.

В избе Родника вступает школка, учительница Родина. Прасковья Петровна (артистка А. Павличева). Но набояна самцы, фаталистичная бабка Авдотья, спасибоносни — отец Митя (роль Авдоты исполнена артисткой Н. Поповой), род отчим Митя (артист В. Пономарев) — все отступают. Одна из них хватает Родника словами: «Ты умрешь!». Родину изгаляют, тело его всегда в ссадинах и ранах от побоев. Доведенный до отчаяния, мальчик пытается покончить жизнь самоубийством, но не может.

Фильм «Чудотворная» ставят на студии «Мосфильм» молодой режиссер Владимир Скунин. В роли Родина снимается школьник Володя.

Я учусь в 5-м классе 135-й московской школы, — рассказывает Володя. Когда мне сказали, что я буду сниматься в кино, я не поверил. В тот день я впервые не выучил уроки. Но это было вчера. Сейчас я прихожу на съемки с таким же энтузиазмом, как и тогда.

Когда мы снимали Володю, краивший ли ему роль, он покраснел и склонился к зрителям.

Очень. Только, по-моему, у меня не получается. И никак не могу научиться плакать без нашатыря.

Недавно вернулась из экспедиции киногруппа, снимающая фильм «Чистое небо» по сценарию Д. Храбровича. Сейчас группа находит подходящего актера для роли главной героини.

Мы попросили режиссера-постановщика этого фильма Григория Чухрая сказать несколько слов о своей новой работе.

Эта картина поискает о верности и предательстве чести и добра, — говорит режиссер. Вместе с этим она исследует практическую профессию летчика, каждый шаг, каждый вылет которого в грозные годы войны сопровожден с риском.

«Чистое небо» — это история о том, как два человека, Сашенка летчика Алексея, во сне сидела обшарпана сней с ней сирота. Только четыре дня были они вместе. Алексей погиб, выполняя боевое задание. Сашенка не может принять смерть Алексея. Она не может жить с мыслью, что с маленьким сынишкой ждет Алексей, верит в его возвращение.

В фильме «Чистое небо» на роль Сашенки снимается артистка из московского театра юного зрителя Нина Дробышева. Эрнелия вновь встретится с артистом Евгением Урбанским, который играет Алексея.

— Трудно сказать, как получится наш новый фильм, — продолжает Григорий Чухрай. — Но хочется, чтобы он пришелся по душе советским зрителям.

Действие будущего фильма «Хлеб и разы», который снимает режиссер Федор Федоров по сценарию А. Салымского на студии «Мосфильм», происходит на Алтае.

— Только что отремонтированные бомбардировщики советской авиации приземлились во временных аэродромах на Алтае. Их экипажи собираются организовать первую стране коммуну, переделать и сломать то, что складывалось веками. Много трудностей возникает на их пути. Тут и борьба врагами, революции, ту и смелость личных взаимоотношений. И конечно любовь.

Со многими знакомыми артистами встречаются зрители в новом фильме. В этой картине снимаются известные артисты Л. Кастанье, Н. П. Кадочников, Ермолай Борисов и с молодой артисткой А. Завьяловой, снимавшейся недавно в картине «Люди на мосту».

ПОРА В ПУТЬ-ДОРОГУ...

Рисунки Е. Веденникова

Первая ночь на маршруте.

Турист-теоретик.

Мечта туриста в Каракумах.

Предпоходная тренировка.

Лучшая импульсная лампа.

Первовосходители.

— Покажите, что у вас есть для рыбака-любителя...

...Заверните!

Цена номера
2 руб.

